

Яркая звезда жанра Филис Каст
погружает нас в опасный и
забавляющий
мистический мир,
заставляя переживать
невероятные,
захватывающие
события.

*Publishers
Weekly*

TM
HARLEQUIN®

Ф.К. КАСТ

Вселенная
любви
и магии

БОГИНЯ ПО КРОВИ

Богиня

Филис Кристина Каст

Богиня по крови

«Центрполиграф»

2007

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Каст Ф.

Богиня по крови / Ф. Каст — «Центрполиграф»,
2007 — (Богиня)

ISBN 978-5-227-08118-6

С помощью бога тьмы Рианнон освободилась из плена древнего дерева, в которое была заключена за все зло, что она совершила в обоих мирах. Родив дочь, которая являла собой великую силу добра, Рианнон неожиданно опомнилась и раскаялась в том, что натворила. В это же время в параллельном мире та, что была как две капли воды похожа на Рианнон, тоже родила девочку. Обе матери – одна в Оклахоме, другая в Партолоне – не знали, какие испытания выпадут на долю их драгоценных дочерей, ведь бог тьмы не собирался отпускать на свободу намеченные жертвы...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08118-6

© Каст Ф., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Часть вторая	35
Глава 1	35
Глава 2	41
Глава 3	45
Глава 4	51
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ф. К. Каст

Богиня по крови

HARLEQUIN®

Divine by Blood

Copyright © 2007 by P. C. Cast

«Богиня по крови»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Яркая звезда жанра Филист Каст погружает нас в опасный и завораживающий мистический мир, заставляя переживать невероятные, захватывающие события.

Publishers Weekly

От лучшего из лучших авторов фэнтези, лауреата The Prism, Holt Medallion, Laurel Wreath awards, National Reader's Choice Award

Пролог

Она не умерла.

Но в то же время и не была жива.

На самом деле она могла бы провести много лет где-то на задворках существования, между жизнью и смертью. Могла бы, если бы не жизнь, что разгоралась в ее матке, и не гнев, пульсирующий у нее в груди. И раньше, чем вспомнила, кто она, к ней пришли воспоминания, что ее предали.

Да, гнев – это хорошо...

Прозвучавший у нее в голове голос не принадлежал ей, но казался знакомым, и она ухватилась за него, стараясь снова найти себя. Кто она? И где находится? Что с ней произошло?

Она открыла глаза. Ее окружала беспросветная тьма. Тьма и нечто почти осязаемое, словно она погрузилась в теплый водоем. На мгновение ее охватила паника. Если она под водой, то как же дышит? Должно быть, она мертва. Мертва и на веки вечные погребена здесь за преступления, которые даже не помнит, что совершала.

Внутри ее трепыхнулся ребенок.

Мертвые не могут произвести на свет жизнь.

Она приказала себе прекратить панику и немного успокоилась. Нужно мыслить хладнокровно и логически. Все как следует спланировать и не отступать от планов. Это верный способ одержать победу. Она всегда им пользовалась и всегда оставалась в выигрыше.

Но ее предали. Кто? Гнев внутри ее стал разгораться, и она подбросила ему топлива – свое огорчение и страх.

Да, верно... пусть гнев станет твоим очищением...

Заторможенность сознания стала понемногу проходить, но гнев все продолжал усиливаться, пока она не ощутила, что его жар окружает ее. И это придало ей сил.

Ее предали, предали, предали...

Эти слова крутились у нее в мозгу, позволяя воспоминаниям просачиваться через темные стены сознания.

Замок на краю моря.

Видения, которые казались проблесками реальности.

Храм утонченной красоты и силы, окруженный стенами из мрамора.

Зов богини.

Вот оно! Она была обожествленной! Она была Избранной великой богини!

Рианнон...

Имя ослепительным светом взорвалось у нее в голове, сдерживавшие ее память дамы рухнули, и прошлое затопило ее разум.

Ее предала ее же богиня!

Рианнон теперь вспомнила все. Собственные своевольные поступки, приходившиеся не по нраву великой богине Эпоне. Изнасилование, которое было ритуалом ее Вознесения. Постоянное недовольство Эпоны ее поступками. Осознание, что никто в Партолоне не питает к ней любви – ей лишь поклоняются, видя в ней продолжение богини. Волшебный сон, в котором она видела демонов фоморианцев, проникших в Сторожевой замок и готовящих уничтожение Партолона. Шепот тьмы, рассказавший ей о другом пути, другом мире, другом решении... Картина того самого другого мира... И ее решение поменяться местами с Шеннон Паркер, земной женщиной, которая была похожа на нее как две капли воды.

Рианнон задрожала, вспоминая все остальное. Как Клинт – шаман, который оказался зеркальным отражением Кланфинтана, Великого шамана Партолона, – отказался помогать ей

использовать свою силу в странном мире, где техника была волшебной, а магия практически не использовалась. Это вынудило ее призвать темную силу себе на подмогу.

Но потом все пошло наперекосяк. Клинт вытащил Шеннон из Партолона, и эти двое объединились против нее.

И деревья стали называть Избранной и Любимицей Шеннон, а не Рианнон.

И сама богиня Эпона перестала произносить имя Рианнон, перестала называть ее Избранной. Как только Рианнон поняла это, внутри у нее словно что-то умерло. Ей и сейчас стало нехорошо, когда она вспомнила, какой потерянной и испуганной тогда была. Но сейчас ей было уже не так больно, как вначале.

Эпона предала Рианнон и позволила заточить ее здесь, а узурпаторша Шеннон с триумфом вернулась в Партолон и в жизнь, которая должна была принадлежать ей, Рианнон, и ее ребенку.

Тебя предали не все.

Теперь она понимала, кому принадлежит голос, звучащий в ее голове. Придери, трехликое зло.

Придери...

Это имя не взорвалось в мозгу Рианнон, как ее собственное. Оно прозвучало соблазнительным шепотом.

Я еще здесь, с тобой. Да, женщины всегда тебя предавали. Твоя мать умерла и бросила тебя. Шеннон украла то, что было твоим по праву. Эпона отвернулась от тебя просто потому, что ты не захотела стать марионеткой в ее руках.

Темный бог был прав. Женщины всегда предавали ее.

Если ты доверишь мне себя и свою дочь, я никогда тебя не предам. И в ответ отдам тебе Партолон.

Рианнон хотелось закрыться от своего тихого внутреннего голоса, который предупреждал ее: не объединяйся с силами тьмы. Ей хотелось сдаться и как можно скорее принять предложение Придери, но она не могла признать, что не испытывает горя и отчаяния при воспоминании о других божественных объятиях, которые потеряла. Умом она понимала, что Эпона лишила ее своего благоволения – и что богиня отвернулась от нее навсегда. Но как бы Рианнон ни смотрела на других богов, как ни думала обратиться к другим силам, она никогда не смогла бы переступить черту, совершить необратимое: отказаться от Эпоны и отдаться на милость другому богу.

Сделав подобное, она никогда больше не сможет предстать перед Эпоной. А что, если богиня решит, что совершила ошибку? Если Рианнон удастся освободиться из своего ужасного заключения и вернуться в Партолон, может быть, есть вероятность, что Эпона снова признает ее Избранной? Особенно если она родит дочь, в жилах которой течет кровь, обогащенная многими поколениями рода жриц Партолона?

Что скажешь, Рианнон? Ты передаешь себя в мои руки?

Рианнон слышала в голосе бога нетерпение – его заставляют ждать слишком долго. Она поспешила взять себя в руки и послала ему мысленный ответ.

Вы очень мудры, Придери. Я действительно устала от предательств. – Рианнон тщательно подбирала слова. – Но как я могу обещать себя богу, если сама нахожусь в заточении? Вы же знаете, что для исполнения ритуала Вознесения, который делает жрицу Избранной, она должна быть свободна.

Придери молчал так долго, что Рианнон уже стала бояться, что слишком поторопилась. Надо было просто пообещать ему себя! Вдруг теперь он бросит ее здесь одну и она останется в заточении на целую вечность?

Да, верно. Для того чтобы отдать себя богу, жрица должна обладать свободой. В таком случае мы просто освободим тебя, чтобы ты могла отдать себя и свою дочь мне в услужение.

Дерево, в котором Рианнон была похоронена заживо, задрожало, и сердце у нее забилося. Она сделала ставку и выиграла! Придери освободит ее! Она налегла на то незримое, что окружало ее, давило, не давало двигаться, душило...

Так ты не окажешься на свободе. Будь терпеливой, моя драгоценная.

Рианнон прикусила вертевшееся на языке возражение. Нет. Надо учиться на своих ошибках. Открыто возражать богу – не слишком мудрое решение...

Что же мне делать? – мысленно спросила она, смиряя недовольство и стараясь, чтобы ее вопрос прозвучал с послушанием и готовностью.

Используй природную связь с землей. Даже Эпона не смогла бы забрать у тебя этот дар. Это часть твоей души – той самой крови, что течет в твоих жилах. Только на этот раз деревья богини больше не будут тебя беспокоить. Поищи темные места. Почувствуй в них внутренние тени. Призови их силу, моя драгоценная. Приближается срок рождения твоего ребенка. И вместе с дочерью ты переживешь на этой земле свое новое рождение. И вступишь в новую эру – служения богу.

Я понимаю.

Рианнон постаралась сосредоточиться. Она была опытной жрицей. Умела пользоваться великой силой и сосредотачивать в своих руках магическое могущество земли. Смотреть во тьму было то же самое, что проникать в тайную силу деревьев. Она не стала вспоминать слова Шеннон о том, что деревья охотно помогли ей и назвали ее Избранной жрицей Эпоны. Вместо этого она сосредоточилась на тьме – на ночи, тенях и черной тени, что каждый месяц закрывала новорожденную луну.

И она ощутила силу. Не сильный и стремительный порыв, какой она когда-то испытала в Партолоне, когда ее коснулось благословение Эпоны, но сила была здесь и тянулась к ней.

Как медленно наполняемый сосуд, Рианнон ждала своего часа, а внутри ее росла ее дочь.

Часть первая

Глава 1

Оклахома

– Надвигается шторм. – Джон Мирный Орел, прищурившись, смотрел в небо на юго-западе. Его внук оторвался от приставки «Плейстейшн» всего на секунду.

– Дедушка, если бы ты подключил кабельное телевидение, тебе больше не пришлось бы разглядывать небо. Ты мог бы включить метеоканал или посмотреть прогноз в новостях, как все делают.

– Этот шторм нельзя предсказать, – не отводя глаз от неба, проговорил старый Хранитель мудрости, принадлежащий к племени чокто. – Тебе пора. Бери машину и возвращайся в дом своей матери.

Последнее предложение заставило подростка и в самом деле отвлечься от игры.

– Ты серьезно? Я могу взять твою машину?

Мирный Орел кивнул.

– На неделе я приеду в город и заберу ее.

– Круто!

Мальчик схватил рюкзак и быстро обнял деда.

– До скорой встречи, дедушка.

Взревел мотор, еще какое-то время слышалось его удаляющееся рычание, но и оно стало стихать, когда мальчик выехал на грунтовую дорогу, что вела к двухполосному шоссе в город. Мирный Орел дождался, пока звук совсем исчезнет, и начал приготовления.

Хранитель мудрости стал ритмично бить в барабан. Много времени не понадобилось. Среди деревьев появились какие-то фигуры и вскоре оказались на открытом месте у лесной хижины, словно их вынес сюда нарастающий ветер. В слабом вечернем свете они казались древними призраками. Но Джон Мирный Орел знал, что это не так. Он знал, как отличить дух от плоти. Когда все шестеро подошли к нему, он заговорил:

– Я рад, что вы отозвались на мой зов. Приближающийся шторм принадлежит не только нашему миру.

– Возвращается Избранная жрица богини? – спросил один из старейшин.

– Нет. Это темный шторм. Из тех, что созданы злом.

– Чем можем помочь мы?

– Мы должны пойти в Священную рощу и удержать то, что старается вырваться на свободу, – сказал Мирный Орел.

– Но ведь совсем недавно мы одержали победу над этим злом, – возразил самый молодой из старейшин.

Мирный Орел мрачно улыбнулся:

– Зло невозможно победить окончательно. Пока боги дают свободу выбора обитателям этого мира, всегда найдутся те, кто выберет зло.

– Великое равновесие, – изрек его собеседник.

– Великое равновесие, – кивнул Мирный Орел. – Без света нет тьмы. Без зла добро не будет в равновесии.

Старейшины дружно выразили согласие.

– Так давайте поработаем во благо добра.

Рианнон встретила боль с радостью: для нее пришло время родиться заново, пришло время вернуться в Партолон и вернуть то, что принадлежало ей по праву. Она сосредоточилась на боли, стараясь думать о ней, как об очищении. Вознесение к Эпоне было отнюдь не безболезненным ритуалом, и вряд ли Придери запланировал для нее что-то более легкое.

Роды были долгими и трудными. Она так долго не владела своим телом, что стало шоком ощутить в себе мышцы и нервы. И накатывающие одна за другой схватки, которые расходились волнами откуда-то изнутри, из самой ее сущности.

Рианнон старалась не думать, как на самом деле должно было проходить рождение ее ребенка. Ее должны были окружать служанки и горничные. Ее должны были бы купать, ухаживать за ней и нежить – и поить древними травяными настоями, чтобы унять боль и страх. Служанки никогда бы не оставили ее рожать в одиночестве. А появление ее дочери на свет в мире Партолона было бы встречено празднованиями и знаками внимания Эпоны, которые показывали бы, что богиня довольна рождением дочери у своей Избранной.

Нет, ей нельзя было об этом думать, хоть втайне она и надеялась, что с рождением ребенка Эпона вернется к ней и подаст знак – хоть какой-нибудь знак. Даже если она и не в Партолоне, а этот ребенок у нее не первый. Во тьме, между волнами боли, которые казались бесконечными, Рианнон подумала о своем первом ребенке. О беременности, которую она прервала. Жалеет ли она о том, что тогда сделала? Хотя имеет ли смысл жалеть? В юности она сделала именно такой выбор и ничего изменить уже не могла.

Ей надо сосредоточиться на дочери, которую она сейчас производила на свет, не на ошибках своего прошлого.

Ее скрутила новая схватка, и она открыла рот, чтобы закричать, хотя и знала, что заточение не позволит ее боли и одиночеству подать голос.

Ты не права, моя драгоценная. Ты не одна. И сейчас ты увидишь силу своего нового бога!

С оглушительным треском «могила» Рианнон раскололась, и вместе с потоком жидкости ее вынесло из сердцевины древнего дерева. Рианнон осталась лежать на травяном ковре, дрожа и задыхаясь. Ее сотрясал мучительный кашель. Она судорожно замигала, стараясь прояснить зрение. Первая ее мысль была о человеке, который принес себя в жертву, чтобы заточить ее. Содрогнувшись, она взглянула через плечо на зияющую в дереве дыру, ожидая увидеть в ней тело Клинга. Она приготовилась к ужасному зрелищу, но увидела только легкое голубоватое свечение, которое медленно слабело, словно его поглощали внутренности раненого дерева.

Да, память, как и разум, по-прежнему отлично служила ей. Она узнала место, где находилась – священная роща в штате Оклахома, современность. Как она и думала, ее тюрьмой был один из двух дубов-близнецов. Второй, неповрежденный, стоял рядом с неглубоким ручьем, что бежал меж деревьев. Спускались сумерки, жалобно завывал ветер. В лиловом небе грохотал гром, в ответ на который в вышине вспыхивали стебельки молнии.

Молния... вот что, должно быть, освободило ее.

– Это я освободил тебя.

Голос звучал уже не в ее голове, но по-прежнему был бесплотным и потусторонним. Он слышался из-под корней второго дуба, оттуда, где сгустились тени.

– Придери? – Собственный голос показался Рианнон очень тихим и хриплым.

– Конечно, моя драгоценная, а кого ты ждала увидеть? Богиню, которая предала тебя? – Его смех коснулся кожи Рианнон, и она подумала, есть ли на земле еще что-то, звучащее столь же прекрасно и ощущаемое столь же мерзко.

– Я... я не вижу тебя. – Она задохнулась от новой схватки.

Бог подождал, пока боль снова отступит, и затем тени под деревом ожили. В лучах заходящего солнца легко было разглядеть, как меняется их форма. От его красоты у Рианнон перехватило дыхание. Несмотря на неполную материализацию прозрачного духа, сквозь который можно было видеть темные тени у него за спиной, Придери заставил Рианнон забыть о боли,

которая вот-вот набросится на нее. Высокий и статный, он даже в виде духа производил впечатление. Грива темных волос обрамляла лицо, которое могло бы вдохновлять художников и поэтов, а не питать ужасные истории, которые шепотом рассказывали о нем в Партолоне. Его глаза улыбались ей, а лицо светилось теплом и любовью.

– *Приветствую тебя, моя жрица. Моя драгоценная. Теперь ты меня видишь?*

– Да, – прошептала она с благоговением. – Да, я вижу вас, но только как духа.

У Рианнон закружилась голова от такого явного благоволения. Он был великолепен – каким и должен быть бог. И внезапно ей подумалось, что она зря тратила жизнь на то, чтобы поклоняться Эпоне. Лучше бы вместо этого преклоняла колени у ног этого удивительного бога.

– *Мне трудно удерживать материальную форму. Чтобы я мог существовать во плоти, необходимо, чтобы мне поклонялись. Чтобы во имя меня приносились жертвы. Меня должны любить, мне должны повиноваться. Именно это сделаете для меня ты и твоя дочь – ты снова приведешь ко мне людей, и тогда я верну тебя на твое законное место, в Партолон.*

– Я понимаю, – сказала Рианнон, стыдясь своего слабого от одышки голоса. – Я сделаю...

Она не успела закончить предложение, потому что одновременно произошло два события, лишивших ее дара речи. Ночь внезапно наполнилась звучным барабанным боем. Ритмичным, словно гулкие удары сердца. Поляна точно обрела сильный вибрирующий пульс. И одновременно Рианнонхватило непреодолимое желание тужиться.

Она изогнулась от боли и инстинктивно вытянула ноги и вцепилась в витиеватые корни, пытаясь найти хоть какую-то опору для своего напряженного, как струна, тела. Диким взглядом она окинула скопище теней, где стоял материализовавшийся Придери. С трудом, но она смогла разглядеть призрачный облик.

– Помогите мне, – простонала она.

Барабанный бой становился громче. И вместе с резонирующим звуком Рианнон слышала какой-то напев, но не могла разобрать слов. Прозрачная фигура Придери замерцала. Рианнон смотрела на него с ужасом, который отражал боль, разрывающую ее тело, и видела, как его прекрасное лицо идет волнами и искривляется. Чувственный рот сжимается. Нос гротескно превращается в неровную дыру. А глаза больше не улыбаются и не сулят добра. Они пылают нечеловечески желтым светом. И прежде чем она смогла сделать еще один прерывистый вздох, его призрачная форма снова изменилась. Глаза превратились в черные пустые пещеры, а рот оскалится, показывая окровавленные клыки и истекающую слюной глотку.

От ужаса, гнева и боли Рианнон закричала.

Напевы и барабанный бой все приближались.

Призрачное изображение Придери сместилось. Он снова стал нечеловечески красивым богом, только на этот раз был едва видим.

– *Я не могу быть красивым постоянно, даже ради тебя, моя драгоценная.*

– Вы бросаете меня? – закричала Рианнон, когда непреодолимое желание тужиться на мгновение ослабло. То, как менялся его облик, напугало ее, но гораздо сильнее она боялась остаться один на один с родами.

– *Меня вынуждают уйти те, кто к нам приближается. Сегодня я не смогу им противостоять. В этом мире я лишен силы.* – Потом его пылающий взгляд встретился с ее, и его тело застыло под взглядом, почти превратилось в камень. – *Рианнон Маккаллан, я добивался тебя много лет. Я смотрел на твои многочисленные невзгоды, когда ты была прикована к Эпоне. Ты должна это сделать, Рианнон! И немедленно! Ты видела меня во всех моих проявлениях. Ты отказываешься от богини и отдаешься мне, чтобы стать моей жрицей, моей Избранной и Воплощенной?*

От боли и страха Рианнон ощущала страшную слабость и пустоту. Она дико озиралась, пытаясь найти хоть какой-то знак, посланный Эпоной, но ее божественного света нигде не было. Ее бросили во тьме в полном одиночестве – в той самой тьме, что преследовала ее много

лет. И что ей теперь делать? Она не представляла своего существования в другом качестве, кроме Избранной. Как ей жить без власти, которую предоставляло ей положение? Но даже сейчас, принимая решение, Рианнон не могла заставить себя открыто отказаться от Эпоны. Она примет предложение Придери. Ему этого хватит.

– Да. Я отдам вам себя, – еле слышно произнесла она.

– *А твою дочь? Отдаешь ли ты мне и свою дочь тоже?*

Рианнон отмахнулась от внутреннего голоса, требующего не соглашаться.

– Отдаю...

Ее прервал режущий уши боевой клич семи представителей старейшин. Мужчины вошли в рощу и сомкнули ряды вокруг двух дубов. Придери растворился в черноте теней с ревом, от которого Рианнон содрогнулась всей душой.

Ее тело снова пронзила боль, и все заполонило желание тужиться. И тогда чьи-то сильные руки вдруг поддержали ее. Она ахнула и открыла глаза. Это был старик. Его лицо избородили морщины. Длинные волосы были седыми, и в них было вплетено орлиное перо. А его карие глаза... Рианнон ухватила за его добрый взгляд.

– Помогите мне, – прошептала она.

– Мы здесь. Тьмы больше нет. Теперь ваш ребенок может войти в этот мир без опаски.

Рианнон схватила за руки незнакомца и стала тужиться со всей силой, что нашла в ее измученном болью теле. И вот, под бой древних барабанов, ее дочь появилась на свет.

И пока она рождалась, Рианнон взывала к Эпоне, а не к Придери.

Глава 2

Старик обрезал ножом пуповину, которая связывала дочь с матерью, завернул ребенка в домотканое одеяло и отдал его Рианнон. Та заглянула в глаза дочери, и ей показалось, что все вокруг стало другим. Она душой ощутила эту перемену. Еще никогда она не видела ничего настолько удивительного. И никогда ничего подобного не чувствовала. Ни когда впервые услышала голос Эпоны, ни когда впервые испытала силу Избранной, ни когда увидела ужасающе прекрасного Придери.

«Это настоящая магия», – с удивлением подумалось Рианнон, когда она прикоснулась к нежнейшей щечке дочери.

Ее снова стали сотрывать схватки, и Рианнон ахнула. Исторгая плаценту, она прижимала к груди ребенка и старалась больше ни о чем не думать. Где-то рядом старик отдавал приказы, и в его голосе слышалась непреклонность. Но древний барабанный бой все продолжался, а держать дочь на руках было так приятно, так правильно...

Рианнон не могла наглядеться на нее. Малышка смотрела на мать огромными карими глазами, и этот взгляд трогал за душу.

– Я была не права, совсем не права.

– Да, – пробормотал старик. – Да, Рианнон, вы были не правы.

Рианнон подняла на него взгляд и поняла, что он стоит около нее на коленях и прижимает ей между ног в несколько раз сложенную ткань. Но почему-то она этого не ощущала. Собственно, своего тела она вообще почти не чувствовала, только огромное облегчение от того, что больше не испытывает боли. Она сосредоточилась на его словах.

– Вы знаете, как меня зовут.

Старик кивнул:

– Я был здесь, когда Белый шаман пожертвовал своей жизнью, чтобы заточить вас в священное дерево.

Внезапно Рианнон узнала в нем вождя индейского племени, которое одержало победу над демоном Нуаду.

– Почему вы решили мне помочь?

– Для земного человека никогда не поздно изменить выбранный путь. – Он сделал паузу, изучающе посмотрел на нее и продолжил: – Тогда вы были низвергнуты, но я верю, что этот ребенок излечил вашу душу. – Он по-доброму улыбнулся ей. – Ваша дочь, видимо, являет собой великую силу добра, если ее рождение способно столько всего исправить.

Рианнон стала укачивать дочь, прижимая ее к груди.

– Морриган. Ее имя – Морриган, она внучка Маккаллана.

– Морриган, внучка Маккаллана. Я запомню это имя и передам другим. – Старик задержал на ней взгляд, и еще до того, как он снова заговорил, Рианнон вздрогнула от неприятного предчувствия. – У вас слишком сильное кровотечение, и оно не останавливается. Я послал за своей машиной, но пройдет несколько часов, прежде чем мы привезем вас к врачу.

Она встретила с ним взглядом и прочитала в его глазах правду.

– Я умираю.

Он кивнул:

– Думаю, да. Ваша душа излечилась, но тело слишком сильно разрушено.

Рианнон не ощутила ни страха, ни паники и уж точно не испытала боли. Только огромное чувство потери. Она опустила взгляд на новорожденную дочь, которая так доверчиво на нее смотрела, и провела кончиками пальцев по нежному личику. Она не сможет увидеть, как растет Морриган. Не сможет оберегать ее, присматривать за ней... и...

– О богиня! Что я наделала?!

Старик не попытался ее утешить. Его взгляд был острым и мудрым.

– Скажите мне правду, Рианнон.

– Я обещала себя Придери. Он хотел, чтобы я отдала ему и свою дочь, но ваше появление заставило его исчезнуть, и я не успела этого сделать.

– Придери – это дьявол? Бог тьмы? – быстро спросил старик.

– Да!

– Вы должны отказаться от него. Ради вас самой и ради Морриган.

Рианнон перевела взгляд на дочь. Если она откажется от Придери, то, по всей вероятности, Морриган окажется в этом мире в ловушке. Она не сможет пользоваться даже той небольшой властью, которую в свое время открыла для себя Рианнон. А это значит, что ее дочь никогда не попадет в Партолон.

Но если она не откажется от Придери, то ее дочь может попасть в услужение той самой тьме, которая, как сейчас поняла Рианнон, тенью лежала на всей ее жизни. Эта тьма нашептывала слова недовольства, как эхо повторяла ее гнев, эгоизм и ненависть и, что было самым разрушительным, превращала любовь во что-то неузнаваемое.

Для Рианнон была непереносима мысль о том, что кто-то может отравить жизнь ее дочери так же, как отравил ее собственную. Если Морриган придется остаться в этом мире, пусть так и будет. По крайней мере, так она не окажется и в лживых сетях зла.

– Я отказываюсь от Придери, трехликого бога зла, и отвергаю его притязания на меня и мою дочь, Морриган Маккаллан, – произнесла Рианнон. И стала ждать. С самого детства она была жрицей и Избранной могущественной богини. Она знала, насколько серьезен отказ от божественного покровительства. Должен появиться знак – внутренний или внешний – о том, что Судьба изменилась. Боги не прощают, когда их отвергают, особенно темные боги.

– Темный бог знает, что вы умираете и очень близки к царству духов. Он крепко за вас держится. Он вас не отпустит.

Старик произнес это довольно мягко, но Рианнон показалось, что он всадил нож ей в сердце. Несмотря на все усиливающуюся слабость, она сильнее прижала к себе крошечное тельце малышки.

– Я не обещала ему Морриган. Придери не имеет над ней власти.

– Но вы сами все еще связаны с ним, – серьезно сказал старик.

Рианнон было все труднее сражаться со слабостью, картинка перед глазами стала сереть по краям, ее бил озноб. Ей хотелось, чтобы старый шаман дал ей побыть наедине с дочерью, дал насмотреться на нее, пока не...

– Рианнон, послушайте меня! – встряхнул он ее. – Если вы умрете, не разорвав связь с Придери, ваш дух никогда больше не ощутит присутствия вашей богини. Вы больше никогда не познаете ни света, ни радости. Вы навечно останетесь под черным покровом темного бога и отчаяния, которым он заражает все, к чему прикасается.

– Я знаю, – прошептала она. – Но я больше не могу бороться. Мне кажется, что я боролась всю жизнь, сколько себя помню. Я была эгоистична и причинила так много боли. Столько всем навредила. Наверное, пришло время расплаты.

– Вполне возможно, но разве за эти ошибки должна платить и ваша дочь?

Эти слова встряхнули Рианнон, и она посмотрела на него тускнеющим взглядом.

– Конечно, не должна. О чем вы говорите?

– Вы не пообещали Придери свою дочь, но он хочет получить жрицу, в жилах которой течет кровь Избранной Эпоны. Если вы умрете, как думаете, кто станет его следующей жертвой?

– Нет! – вскрикнула Рианнон, понимая, что он прав. Придери признался, что следовал за ней по пятам. Он захочет ее дочь и на меньшее не согласится. Рианнон содрогнулась. Тьма,

что нашептывает лживые хитрости и превращает любовь к богине в нечто уродливое, не будет преследовать ее Морриган.

– Нет, – повторила она, – Морриган не станет его следующей жертвой.

– Тогда вы должны призвать свою богиню, чтобы она вынудила Придери отпустить вас.

На Рианнон нахлынуло отчаяние.

– Эпона отвернулась от меня.

– Но разве вы отказались от нее?

– Я делала то, что было ей отвратительно. – Впервые в жизни Рианнон признала, что сама предала доверие богини, прежде чем та перестала говорить с ней. – Она меня больше не слушает.

– Возможно, богиня ждет от вас других слов, правильных.

Рианнон посмотрела шаману в глаза. Если была хоть малейшая вероятность, что он прав, надо было попытаться призвать Эпону. Она умирает – возможно, богиня сжалится над ней. Рианнон чувствовала, как туманная дымка обволакивает и приковывает ее тело к этому миру. Естественно, даже находясь в Партолоне, Эпона знает, что с ней происходит. Рианнон закрыла глаза и сосредоточилась.

«Эпона, Великая богиня Партолона – богиня моей юности – богиня моего сердца. Прошу вас, выслушайте меня в последний раз. Я прошу простить меня за мои эгоистичные поступки. За то, что позволила тьме запятнать ваш свет. За всю боль, что причинила вам и всем остальным. – Рианнон замолчала, стараясь собраться с мыслями и сдержать онемение, расползающееся по телу. – Я знаю, что не заслуживаю вашего благоволения, но, пожалуйста, остановите Придери. Не дайте ему получить право на мою душу и душу моей дочери».

Ветер подхватил ее слова и закрутил их, затряс, пока они не зазвучали шумом дождя по опавшей листве. Рианнон открыла глаза. Под гигантским священным дубом, братом-близнецом ее дуба, зашевелились тени, и ее сердце забилося от ужаса. Неужели это возвращается за ней Придери? Несмотря на присутствие шамана и бой древних барабанов? Но внезапно из небытия возник яркий светящийся шар и прогнал тьму. В центре шара стала вырисовываться фигура. У Рианнон перехватило дыхание, и на глазах показались слезы. Старый шаман уважительно склонил голову.

– Приветствую вас, Великая богиня, – произнес он.

Эпона улыбнулась ему.

– *Джон Мирный Орел, ты заслужил мою благодарность и благословение за то, что сделал сегодня.*

– Спасибо, богиня, – почтительно ответил он.

Эпона перевела взгляд на Рианнон. Та дрожащей рукой вытерла слезы, чтобы лучше видеть свою богиню. Когда она была ребенком, Эпона несколько раз материализовывалась ради нее, но потом она вступила в бунтарский подростковый возраст и позже превратилась во взрослую капризную эгоистку. Сначала богиня перестала приходить к ней, потом разговаривать с ней и в конце концов слушать ее. Сейчас Рианнон чувствовала, что при виде богини ее душа ожила.

– Эпона, простите меня, прошу вас! – заплакала она.

– *Я простила тебя, Рианнон. Простила раньше, чем ты попросила меня об этом. Я тоже была не права. Я видела твою слабость и знала, что твою душу сопровождает тьма. Мне затмила разум любовь к тебе, и я позволила тебе перейти черту, за которой начиналось твое саморазрушение.*

Рианнон прикусила язык и удержалась от оправданий, которые, как всегда, крутились у нее на языке.

– Я была не права, – только и сказала она. Потом сделала глубокий вдох, борясь со слабостью, которая уже мешала ей говорить. – Эпона, прошу вас, помогите мне порвать связь,

которую Придери имеет со мной. Я отказалась от него, но, как вы знаете, я уже близка к смерти. Он не отпускает мою душу, держит ее слишком сильно.

Эпона внимательно посмотрела на падшую жрицу и спросила:

– *Почему ты просишь меня об этом, Рианнон? Ты боишься того, что случится с твоей душой после смерти?*

– Сейчас, перед лицом смерти, я многое в своей жизни вижу гораздо яснее, – ответила Рианнон и посмотрела на малышку, которая лежала на ее слабеющих руках. – Или, может быть, рождение дочери сняло с моих глаз пелену. – Она перевела взгляд на богиню. – Да, это правда – я боюсь провести вечность во тьме и отчаянии, но не посмела бы звать вас, чтобы спасти меня от судьбы, которую знаю, что заслуживаю. – Рианнон поперхнулась, закашлялась и несколько раз судорожно вздохнула. – Я призвала вас, потому что для меня непереносима мысль, что мою дочь может потребовать к себе тьма, которая отравляла большую часть моей жизни. Если вы разорвете связь Придери с моей душой, я не стану просить разрешения взойти на ваши луга. Я попрошу позволить мне существовать в Ином Море, чтобы присматривать за дочерью и стараться нашептывать ей добро, когда темный бог будет нашептывать зло.

– *Вечность в Ином Море не слишком легкая судьба. Там не будет покоя – ни лугов, сотканных из света, ни смеха, поддерживающего усталую душу.*

– Мне не нужен покой, пока моя дочь в опасности. Я не хочу, чтобы она пошла моим путем.

– *Годы жизни твоей дочери будут лишь небольшой рябью в водоеме вечности. Ты действительно просишь бесконечную судьбу ради чего-то настолько мимолетного?*

Рианнон прижалась побледневшей щекой к нежной головке дочери.

– Прошу, Эпона.

Богиня улыбнулась, и даже сейчас, на смертном одре, Рианнон накрыла волна неописуемой радости.

– *Возлюбленная, наконец тебе удалось победить в своей душе эгоизм и следовать своему сердцу.* – Богиня вскинула руки над головой. – *Придери, бог лжи и тьмы, я не уступлю тебе свое законное право на эту жрицу! Ты не имеешь права требовать ее душу, пока не победил меня!*

Богиня легонько хлопнула в ладоши, и тени, что маячили по краям поляны, раскололись. Издав ужасный вопль, потусторонняя тьма рассеялась, оставив вместо себя обыкновенную темноту спускающихся сумерек.

– Моя душа ощущает свет, – прошептала дочери Рианнон.

– *Это потому, что впервые за твою взрослую жизнь она свободна от влияния тьмы.*

– Я давно должна была выбрать этот путь, – слабым голосом произнесла Рианнон.

И улыбка Эпоны снова наполнила ее безграничной добротой.

– *Еще не поздно, Возлюбленная.*

Рианнон закрыла глаза от потока эмоций, что отнимал у нее последние силы.

– Эпона, я знаю, что здесь не Партолон, и я больше не ваша Избранная, но не могли бы вы поприветствовать мою дочь? – Ее слова были едва слышны.

– *Да, Возлюбленная. Из любви к тебе я приветствую Морриган, внучку Маккаллана, и награждаю ее своим благословением.*

Услышав звук хлопающих крыльев, она открыла глаза. Эпона исчезла, но священную рощу заполнили тысячи светлячков, которые парили, падали и снова взмывали вверх вокруг Рианнон и посапывающей у нее на руках малышки. В тусклом вечернем свете они светились словно звезды, временно покинувшие ночное небо, чтобы потанцевать в честь рождения ее маленькой дочки.

– Богиня услышала вашу просьбу, – почтительно произнес старик индеец. – Она не забыла вас. И не забудет вашего ребенка.

Рианнон перевела на него взгляд и поморгала, чтобы четче видеть его лицо.

– Шаман, пожалуйста, отвезите меня домой.

Он встретился с ней глазами.

– Я не имею возможности вернуть вас в другой мир, Рианнон.

– Я знаю, – слабым голосом сказала она. – Отвезите меня в единственный дом, который я знаю в этом мире, – к Ричарду Паркеру. Он – отражение моего отца Маккаллана. – Рианнон поморщилась и, словно наяву, услышала голос Шеннон Паркер, которая говорит, что в Партолоне погиб ее отец. – Отвезите мое тело к нему и скажите, что Морриган его внука. Передайте ему... – Она запнулась, преодолевая быстро накатывающееся оцепенение. – Передайте ему... что я верю в его любовь и знаю, что он поступит правильно.

Шаман серьезно кивнул.

– Как мне найти Ричарда Паркера?

Рианнон сумела выдать простые указания, как доехать до маленького ранчо Ричарда Паркера в окрестностях Брокен-Эрроу. К счастью, старику почти не пришлось ее переспрашивать, и он, казалось, хорошо понимал слова, которые она с трудом выговаривала.

– Я сделаю это для вас, Рианнон. И буду молиться о вашей душе в Ином Мире. Может быть, вам удастся приглядеть за своей дочерью и держать ее в безопасности.

– Эпона благословила... мою дочь... Морриган Маккаллан... – прошептала Рианнон. Она поняла, что больше не может бороться с оцепенением. Не выпуская из рук дочь, она позволила своей голове безвольно откинуться на скрюченный корень. Рианнон, жрица богини Эпоны, умерла под древний барабанный бой и подстроившийся под него танец светлячков.

Глава 3

Партолон

– Да, так вот это чертовски абсолютная правда. Будь это забава, ее бы не назвали потугами. – Я скривилась и попыталась поудобнее устроиться на огромном пуховом матрасе, который прозвала «маршмеллоу»¹. Но все тело у меня болело, и я была такой усталой, что быстро бросила это занятие и взамен стала потягивать подогретое вино, которое предложила мне услужливая юная нимфа. – Ее назвали бы вечеринкой, – продолжала я. – Женщины бы говорили «Класс! Я иду на вечеринку рожать ребенка. Супер!» Ни черта! Это определенно не званая вечеринка.

Аланна и ее муж Каролан (который только что принял у меня роды) обернулись ко мне и засмеялись. Хихикнул кое-кто и из нимф-служанок, которые стайками сновали по комнате и делали обожаемую ими домашнюю работу (и мне, честно говоря, очень нравилась их услужливость).

– Не понимаю, что ты смеешься. Через пару месяцев ты сама узнаешь, что я имею в виду, – напомнила я Аланне.

– Я рассчитываю, что вы будете держать меня за руку с начала и до конца, – радостно сказала мне Аланна и поцеловала мужа в щеку.

– Я не возражаю. С нетерпением жду возможности стать для тебя родильной рукодержалкой.

– Я думал, женщины быстро забывают боль от схваток.

Я подняла взгляд на своего мужа-кентавра, великого шамана Кланфинтана. Его сила и стойкость превосходили человеческую, но сейчас он выглядел непривычно усталым и потрепанным, словно прокладывал себе путь через ад и обратно, а не находился целый день рядом со своей рожаящей женой.

– А ты сам скоро это забудешь? – поинтересовалась я с многозначительной улыбкой.

– Вряд ли, – серьезно ответил он и, кажется, уже в тысячный раз за день убрал влажные волосы с моего лица и потом нежно поцеловал в лоб.

– Как и я. По-моему, утверждение, что женщины забывают о боли сразу после родов, большая ложь, придуманная вконец окосевшими от родов мужьями.

По спальне прокатилось басовитое фырканье Каролана.

– Должен согласиться с вашей теорией, Риа, – сказал он.

Я нахмурилась и посмотрела ему в спину.

– Замечательно. И мой доктор не побеспокоился сообщить мне об этом до того, как начнутся роды?

– Нет, госпожа. – В его голосе слышался искусно скрытый юмор. – От этого было бы мало пользы. Если я и должен был об этом упомянуть, то уж точно до того, как вы уложили в постель кентавра.

– Хрумф, – сказала я, копируя своего мужа, и Каролан снова фыркнул от смеха.

– Ах, Риа, но разве это того не стоило? – Улыбаясь, как Санта-Клаус, Аланна наконец закончила пеленать мою новорожденную дочку и вернула ее в мои нетерпеливые руки. Я приняла малышку от своей лучшей подруги, помощницы на все руки и эксперта по всему, что я еще не знаю о Партолоне, в одном лице.

– Стоило, – выдохнула я, переполненная при виде дочери еще почти незнакомым мне чувством любви и нежности. – Она стоила каждой секунды.

¹ Маршмеллоу – легкое воздушное лакомство, напоминающее зефир. Очень популярно в США.

Кланфинтан плавно и грациозно, как все кентавры, опустился на колени около нашего матраца.

– Ради нее можно сделать все, что угодно, – благоговейно произнес он и коснулся прядки рыжих волосиков, покрывавших ее прекрасную головку. – Как нам ее назвать, любовь моя?

Я ответила, ни секунды не сомневаясь. У меня было на раздумья несколько месяцев, и только одно имя снова и снова возникало у меня в голове. Когда это имя впервые отдалось у меня в мозгу, я спросила о нем Аланну, и после того, как она объяснила мне его значение, я уже не сомневалась, что назову дочь именно так.

– Мирна. Давай назовем ее Мирна.

Кланфинтан улыбнулся и обнял нас сильными руками.

– Мирна на старом языке значит «возлюбленная, любимая». А это так и есть, потому что она действительно наша любимая. – Он наклонился ко мне и прошептал слова, предназначенные только для моих ушей: – Я люблю тебя, Шеннон Паркер. Спасибо за преподнесенный тобой дар – нашу дочь.

Я уютно устроилась около него и, прижимая к себе нашу спящую девочку, поцеловала его решительный подбородок. Он очень редко называл меня именем, которое я ношу с рождения, и никогда на людях. Только три человека – Кланфинтан, Аланна и Каролан – знают, что я не Рианнон, дочь Маккаллана. Остальные жители Партолона даже не подозревают, что около года назад я «случайно» поменялась местами с настоящей Рианнон, которая похожа на меня как две капли воды. Но на внешности наше сходство и заканчивалось. Рианнон была эгоистичной, источающей ненависть стервой, которая безответственно сбежала из своего мира. Мне нравится думать, что я умеренно эгоистична и бываю стервой только по абсолютной необходимости. Я точно знаю, что никогда не брошу ни Партолон, ни его жителей, ни богиню, любить которую я сюда приехала. Я боролась за то, чтобы остаться здесь, – и я останусь.

Без сомнения, мое место было в Партолоне. Эпона однозначно сказала, что мне предназначено было стать ее Избранной, и мой «обмен» с Рианнон не был ни ошибкой, ни случайностью. Эпона выбрала именно меня, и я стала принадлежать ее миру.

Безумно счастливая, я уткнулась носом в мягкую макушку дочери.

– Ты моя драгоценная. С днем рождения.

Меня обнимала сильная и теплая рука Кланфинтана. Он нежно прижал меня к себе, и я услышала в его голосе улыбку.

– С днем рождения, мои дорогие девочки.

Я удивленно моргнула и засмеялась.

– А ведь точно! Сегодня же тридцатое апреля. День моего рождения. Я совершенно забыла о нем.

– Ты была очень занята, – напомнил Кланфинтан.

– Это уж точно. – Я с улыбкой посмотрела на удивительного кентавра, которого так люблю. – Наверное, нам стоит благодарить Эпону за то, что наша волшебная дочь родилась в день рождения ее матери.

Он нежно поцеловал меня.

– Я буду вечно благодарен Эпоне за Мирну и за тебя. – Он глубоко вздохнул и выкрикнул тем самым раскатистым голосом, каким раньше призывал древнюю шаманскую магию, чтобы принять человеческую форму и заняться со мной любовью: – Да здравствует Эпона!

– Да здравствует Эпона! – его слова с радостью подхватила Аланна и мои служанки.

Полупрозрачные шторы, прикрывающие огромные – от пола до потолка – окна на противоположной стене спальни, внезапно вспарили к потолку, подобно облаку, и наполненный ароматами ветер принес с собой и закружил по комнате множество лепестков роз. Служанки взвизгнули от восторга и затанцевали среди падающих цветов. А потом комнату наполнил голос, которого я так ждала, – голос моей богини Эпоны.

– *Моя Возлюбленная жрица родила свою возлюбленную. С превеликой радостью я приветствую в Партолоне Мирну, дочь моей Избранной. И пусть это приветствие сопровождается радостью, волшебством, смехом и благословениями ее богини!*

С хлопком и шипением, которые напомнили мне взрывы петард на четвертое июля², лепестки роз превратились в сверкающие шары, из которых вылетели сотни бабочек. Еще один хлопок, и бабочки превратились в сияющих, как драгоценные камни, колибри, которые быстро спикировали вниз и закружили вокруг моих радостно отплясывающих служанок.

От счастья и облегчения на глаза у меня навернулись слезы. Моя дочь благополучно родилась, и ее навестила моя богиня. Целиком и полностью удовлетворенная, я расслабилась в теплых руках мужа и посмотрела на наше чудо – нашу дочь Мирну...

– Это настоящая магия, – прошептала я.

Материнская любовь – самая священная магия, – услышала я в голове знакомый голос Эпоны. – Запомни это на будущее, Возлюбленная. Материнская любовь может и излечить, и стать искуплением.

Я внезапно дернулась, словно от холода. Что имеет в виду Эпона? Мирне что-то угрожает?

Отдыхай спокойно, Возлюбленная. Твой ребенок в безопасности.

На меня накатило такое облегчение, что я даже вздрогнула. А потом ощутила еще кое-что, что заставило меня уже содрогнуться.

– Риа? С тобой все в порядке? – спросил Кланфинтан. Он мгновенно ощутил перемену в моем настроении.

– Я устала, – уклонилась я от ответа и сама удивилась, каким слабым прозвучал мой голос.

– Тебе надо отдохнуть. – Он поцеловал в лобик нашу дочь, потом меня и затем поймал взгляд Аланны. Она оторвалась от танцующих вместе с колибри служанок и заспешила к нам. – Рие необходим отдых, – сказал он ей.

– Конечно, необходим, – подтвердила слегка запыхавшаяся Аланна, глядя свой выпирающий живот.

Она хлопнула в ладоши, и веселящиеся служанки обернулись к ней. Но не успела она объявить, что им уже пора, как вся стайка колибри собралась кольцом над моим лежбищем. Переливаясь разноцветьем и хлопая крыльями, птички снова одним хлопком превратились в лепестки роз и осыпали розовым дождем мою комнату. Роскошный мраморный пол теперь был густо усыпан магией Эпоны.

– Богиня знает, что ее Возлюбленной пора погрузиться в сон, – улыбнулась Аланна, радуясь оказанному Эпоной благоволению.

– Я благодарю вас за ваше присутствие. Спасибо, что с радостью встречали вхождение моей дочери в этот мир. – Я старалась, чтобы мой голос звучал как обычно, но мои чувства были далеки от спокойного состояния.

– Это была честь для нас, Любимица богини! – хором ответили служанки и со смехом, шумом и благословениями радостно выпорхнули из комнаты.

Я чувствовала на себе пристальный взгляд Кланфинтана и понимала, что лучше не пытаться скрыть от него случившееся. Я посмотрела в его темные, миндалевидные глаза.

– Рианнон умерла, – произнесла я.

Аланна охнула, но Кланфинтан не шевельнулся. Только стиснул зубы, а его классической красоты лицо словно окаменело. Постороннему его голос показался бы вполне спокойным, даже почти нежным. Но я-то знала, что это значило – таким образом он освобождал свой разум и готовился к битве.

– Как ты узнала об этом, Риа? – спросил он.

² Широко отмечаемый в США День независимости.

Я крепче прижала к себе маленькое тельце своей прекрасной дочери.

– Я почувствовала ее смерть.

– Но я думал, она погибла несколько месяцев назад, когда шаман из вашего старого мира заточил ее в священном дереве, – заметил Каролан.

Я слотнула. Мои губы стали словно чужими, онемевшими.

– Я тоже так думала. Она должна была умереть, но осталась жива. Все это время она находилась внутри дерева... живой. – Я содрогнулась. Рианнон была злобной стервой и бесчисленное количество раз устраивала мне проблемы. Черт, она даже пыталась убить меня. Но сейчас я уже понимала, что она была лишь моим зеркальным воплощением, и не могла не пожалеть ее. При мысли о том, что она оказалась заживо похоронена в дереве, мне стало тошно и грустно.

В дверь дважды громко постучали.

– Войдите! – приказал Кланфинтан.

В спальню вошел один из храмовых стражников и быстро отдал мне честь.

– В чем дело... – Я замолчала, пытаюсь вспомнить, что это за стражник. Они все так походили друг на друга – мускулистые, высокие, полуодетые. Да, мускулистые. Но что-то в его ярко-синих глазах подтолкнуло мою память. – Джилеан? – Я думала, что он хочет отдать дань уважения Мирне, но от мрачного выражения его лица у меня тревожно забилося сердце.

– Я насчет дерева в Священной роще, госпожа. Того самого, возле которого вы каждое полнолуние проводите ритуал возлияния³. Оно разрушено.

В животе у меня все перевернулось от боли, которая не имела никакого отношения к родам.

– Что ты имеешь в виду под «разрушено»? Каким образом?

– Похоже, в него ударила молния, хотя вечер был ясным. Никаких признаков, что была небесная буря.

Страх и горечь застыли у меня в горле, и оттого голос прозвучал хрипло.

– Из дерева что-нибудь выпало?

Охранник даже не моргнул, услышав мой странный вопрос. Здесь был Партолон, где магия так же реальна, как и правящая богиня. Всякие странности для этого мира были в порядке вещей.

– Нет, из дерева ничего не выпадало, госпожа.

– И никакого тела? – заставила я себя спросить, отгоняя вставшую перед глазами картину разложившегося трупа Клинта.

– Нет, госпожа. Никакого.

– Ты в этом уверен? Ты сам проверял? – засыпал его вопросами Кланфинтан.

– Я уверен, господин. Да, я сам осматривал дерево. Я только сменился из караула, который охраняет северные земли храма. На обратном пути услышал громкий треск, доносившийся из рощи. Я оказался поблизости и знал, что Священная роща очень важна для леди Рианнон, поэтому сразу направился туда. Когда я приблизился к дереву, оно еще дымилось.

– Ты должен поехать посмотреть, – сказала я Кланфинтану.

Тот напряженно кивнул.

– Найди Дугала, – приказал он стражнику. – Скажи ему, чтобы ждал меня у северных ворот.

– Да, господин. Мое почтение, госпожа. – Стражник церемонно поклонился мне и затопился из комнаты.

– Я поеду с вами, – мрачно произнес Каролан. Они с Аланной отошли в противоположный угол комнаты, желая дать нам с Кланфинтаном поговорить без лишних ушей.

³ Ритуал возлияния – приношение бескровной жертвы в виде вина, меда, воды и др.

– Если Рианнон здесь, то она мертва, – сказала я гораздо спокойнее, чем было на самом деле.

– Да, но я хочу убедиться, что мертва не только она. На случай, если она вернулась в Партолон не одна.

Я кивнула и перевела взгляд на личико спящей Мирны. Беззащитность. Я чувствовала себя такой непривычно беззащитной, понимая, что не перенесу, если что-то случится с моей дочерью...

– Я никому не позволю вам навредить. Вам обеим. – Голос Кланфинтана звучал хрипло и опасно.

Я встретила глазами с его решительным взглядом.

– Знаю. – Но и мои глаза, и его выдавали, что мы оба вспоминаем случившееся несколько месяцев назад. Меня тогда вытянули обратно в Оклахому через это самое дерево вместе с породившимся злом, которое, как нам казалось, мы победили навсегда. И Кланфинтан мог только смотреть на происходящее, не в силах меня спасти. Я сумела вернуться в Партолон только с помощью принесшего себя в жертву Клинта Фримена, зеркального воплощения Кланфинтана, и силы древних деревьев. – Будь осторожен, – попросила я мужа.

– Как всегда, – ответил он. И поцеловал меня, а затем Мирну. – Отдыхай. Я ненадолго.

Они с Кароланом быстро вышли из комнаты. Я слышала, как муж отдает приказы удвоить мою личную стражу и стражу, охраняющую дворец. Но вместо защищенности я ощутила, как по телу прошла ледяная волна страха. Мирна беспокойно захныкала, и я стала шепотом ее успокаивать.

– Риа, она, наверное, голодна.

К счастью, Аланна была рядом. Она помогла мне поднять тонкую ночную рубашку, чтобы Мирне было удобнее искать грудь. Я попыталась расслабиться и сосредоточиться на интимнейшем акте кормления дочери. Но мысли не желали успокаиваться. Я точно знала, когда именно умерла Рианнон. Священное дерево, бывшее ее тюрьмой, теперь разрушено. И еще эти загадочные слова богини о том, что материнская любовь может стать излечением и искуплением.

В момент заточения в дерево Рианнон была беременна.

– Все будет хорошо, Риа. – Аланна взяла у меня из рук сытую и сонную Мирну и положила ее в маленькую колыбельку, что стояла рядом с кроватью.

– Мне страшно, Аланна.

Аланна вынула из моей косметички большую щетку с мягкой щетиной и опустила на колени за моей спиной. Медленными и осторожными движениями она стала расчесывать мои длинные волосы.

– Эпона не позволит причинить вред ни Мирне, ни вам. Вы ее Избранная, ее Любимица. Богиня защищает своих приближенных. А теперь отдыхайте. Здесь, в сердце Партолона, вы в полной безопасности, вы под защитой тех, кто вас любит. Вам нечего бояться, дорогая... нечего бояться...

Аланна все продолжала и продолжала бормотать слова утешения. Ее нежный голос и заботливые движения щетки по волосам вкупе с усталостью после суток родовых схваток действовали на меня как снотворное. Мое тело жаждало, наконец, расслабиться. Но прежде чем я скользнула в приятную темноту сна, у меня мелькнула мысль: если в Священной роще в Партолоне не нашли никаких тел, значит, они должны быть в зеркальном отображении этой рощи в Оклахоме. Что же, черт возьми, там происходит?..

Глава 4

Оклахома

Дурное предчувствие завладело Ричардом Паркером задолго до того, как Джон Мирный Орел медленно повез по их переулку свой мрачный груз. Весь вечер он не находил себе места. И, что еще хуже, все его собаки – шесть метисов борзой и ирландского волкодава – начали выть, едва спустились сумерки. Он пригрозил им наказанием, но они успокоились далеко не сразу.

Ему не нужно было смотреть на календарь, чтобы понять, какой сегодня день. Он считал месяцы, недели и дни с того ноябрьского дня, когда в последний раз видел свою дочь. Не то чтобы ему была так важна точная дата. Он не знал, какой у нее срок, – просто примерно прикинул. В конце апреля. А сегодня было тридцатое апреля. День рождения Шеннон. В том, другом мире, где ее почитают как земное воплощение богини, ей сегодня исполнилось тридцать шесть. Но не день рождения дочери вызывал у него сегодня жутковатое чувство опасности.

Родила ли сегодня Шеннон где-то в своем древнем мире, за невообразимой гранью времени и другого измерения? Каким бы невозможным это ни казалось, он бы не удивился, если бы она постаралась сообщить ему об этом. В конце концов, вся эта проклятая ситуация невозможна сама по себе.

Когда Шеннон в тот раз появилась у него на пороге в разгар ужасной метели, она была испугана и путалась с мужчиной, в котором Паркер узнал Клинта Фримена, пилота, совершившего в прошлом настоящий подвиг. Он совершенно не верил в дикую историю о том, что Шеннон поменяли местами с Рианнон, земным воплощением богини из другого мира, а потом Клинт вернул ее обратно в Оклахому. Но дочь не лгала ему. И женщина, которая в предыдущие несколько месяцев вела себя как холодная и расчетливая стерва, отвергая свою семью и друзей, оказалась лишь внешне похожей на его дочь. Внутренне они были чертовски разные.

Паркер понял, что ему легче принять версию параллельного мира, чем то, что его дочь могла так сильно измениться. Это произошло еще до того, как злодей Нуада чуть не убил его в замерзшем пруду, и Паркер сам стал свидетелем силы, которую даровала Шеннон ее богиня.

Он чувствовал момент, когда Шеннон победила Нуаду и перешла в другой мир, так же отчетливо, как ощущал запах дождя или чувствовал под руками лошадиную спину. Это было внутреннее чувство, словно звякнувший в душе колокольчик. Точно так же он понял, что при попытке вернуть Шеннон в Партолон погиб Клинт, и это было почти так же больно, как потерять своего единственного ребенка. Но, по крайней мере, Шеннон осталась жива. Хотя ему легче было бы думать, что она переехала в Европу или даже Австралию, потому что тогда они имели бы хоть какой-то шанс снова увидеться.

Ричард вздохнул и стал беспокойно мерить шагами двор, от одного конца к другому. Шеннон пришлось уехать. В том, другом мире она была женой мужчины – отца ее будущего ребенка. Она любила его. И ее дочь нуждается в своем отце.

– И в дедушке тоже, – пробормотал Паркер. Он надеялся, что Шеннон сможет общаться с ним, хотя бы недолго, чтобы у него не оставалось чувства, что он потерял дочь навсегда. Она часто ему снилась. И в этих снах всегда была счастливой, ее окружали люди, которые ее обожали. Во сне он даже иногда видел ее мужа-кентавра. Ричард фыркнул: – И на это было чертовски интересно посмотреть.

Он верил, что за этими снами каким-то образом стояла Шеннон – или, точнее сказать, ее богиня Эпона. Как бы то ни было, эти сны были словно полученное от дочери письмо, и Паркер радовался этим мимолетным видениям.

Сегодняшний вечер был совсем другим. Ужасное предчувствие так крепко поселилось в душе Паркера, что он никак не мог успокоиться. Шеннон пытается связаться с ним напрямую?

Так вполне может быть. Сейчас ей как раз пора рожать ему внучку, и уж, конечно, ей захочется поделиться с ним этой новостью. Но почему тогда это чувство такое неприятное? Почему в нем буквально зудит предупреждение об опасности? Он вдруг резко остановился. Его поразила жуткая мысль, буквально вышибла из него дух.

Неужели он почувствовал ее смерть? Возможно ли, что она умерла при родах в том древнем мире, где нет ни больниц, ни современных лекарств? Может, поэтому воздух кажется ему таким тяжелым, почти осязаемым и не оставляет чувство надвигающейся беды?

– Эпона, пожалуйста, – сказал он, обращаясь к ветру. – Прошу вас, защитите ее.

– Дорогой, что случилось? – спросила Патрисия Паркер. – Мама Паркер для игроков его футбольной команды. Она стояла у открытой противомоскитной двери у него за спиной.

– Ничего. – Он осознал, что ответил резче, чем ему хотелось бы, и с виноватой улыбкой оглянулся через плечо. – Просто немного нервничаю.

Добродушное лицо его жены тут же отразило беспокойство.

– Это ведь не... не... то самое опять, правда?

Патрисия навещала в Финиксе свою единственную сестру, когда Шеннон ненадолго вернулась и произошло нападение Нуады. Но она видела последствия. И он, конечно, все ей рассказал. Как ни странно, Мама Паркер испытала большое облегчение, узнав о том, что Рианнон и Шеннон поменялись местами. Это значило, что девушка, которую она любила и воспитывала как родную дочь, на самом деле от нее не отворачивалась. Все те ужасные вещи говорила ей Рианнон, а не Шеннон.

– Нет-нет, ничего такого, – резко ответил он, жалея, что расстроил ее своими фантазиями. У него не было конкретной информации о чем-то плохом. Черт, может, это съеденный за обедом перец чили не дает ему покоя. – Все хорошо. Я скоро вернусь.

– Хорошо, дорогой. Я уже заканчиваю с посудой.

Она уже собиралась уйти в дом, когда в переулке послышался звук мотора. Ричард глянул на часы. Уже больше половины одиннадцатого. Поздновато для визитов. Он посмотрел на старый синий «шевроле» и почувствовал, что холод ползет по позвоночнику. Шеви медленно подъехал и, кашлянув, остановился между двух припаркованных машин. Из шеви вылез старый индеец и подошел к Паркеру.

– Добрый вечер, я Ричард Паркер. – Ричард машинально протянул ему руку.

Старик спокойно встретился с ним взглядом и крепко пожал руку.

– Джон Мирный Орел. Извините, что беспокою вас так поздно.

– Нет проблем. Что я могу для вас сделать?

– Рианнон попросила, чтобы я отвез ее домой.

Ричард внутренне вздрогнул.

«Рианнон!» Он ничего не знал о ней после того, как Шеннон перешла в другой мир. Он думал, что Шеннон взяла Рианнон с собой: вероятно, чтобы та понесла ответственность в Партолоне за то, что бросила свой народ и обязанности Избранной. И теперь она снова здесь? И говорит, что это ее дом? Его широкие плечи напряженно застыли. Не важно, что она выглядит как его дочь. Рианнон – не Шеннон, и он больше не позволит ей занять ее место. Но в присутствии чужого человека он не станет это обсуждать, подождет, пока они останутся одни, и потом отвезет ее в город, или в аэропорт, или еще куда-нибудь. Все равно куда, лишь бы подальше от Оклахомы.

– Ну и где она? – Прищурившись, Ричард посмотрел в кабину машины. В ней кто-то сидел, но в темноте было не разглядеть, кто именно. Он фыркнул. Странно, что она не побоялась приехать сюда, к нему.

– Она здесь.

Но старый индеец пошел не к кабине своего пикапа, а к его задней дверце. С жалобным скрежетом поднял ее. Ричард пошел за ним и нахмурился. В задней части машины лежала

какая-то вещь. Сначала ему показалось, что с ним играет шутки тусклый свет придорожного фонаря. Эта вещь походила на человеческое тело, с головы до пят завернутое в индейское одеяло. Джон Мирный Орел с удивительным проворством забрался в машину, присел и осторожно откинул одеяло. Ричард увидел лицо, и ему показалось, что кто-то ударил его под дых.

– Шеннон! – Он ринулся внутрь пикапа.

– Не Шеннон. Это – Рианнон. Она выразила желание, чтобы я привез ее тело сюда и отдал вам на воспитание ее ребенка.

У Ричарда шумело в ушах, и он с трудом понимал, о чем говорит старый индеец.

– Она мертва, – произнес он.

Мирный Орел кивнул.

– Умерла при родах. Но перед этим любовь к дочери излечила то темное, что было в ее душе.

Ричард заставил себя оторвать взгляд от мертвого лица, которое как две капли воды походило на лицо его дочери.

– Вы знаете о ней? И о Партолоне?

– Да, Белый шаман победил зло и принес себя в жертву, чтобы вернуть Шеннон в тот мир, я присутствовал при этом. И сегодня, когда дьявол освободил Рианнон из священного дерева, в котором она находилась в заточении, – тоже видел.

Ричард быстро взгляделся в окружающие их тени.

– Он последовал за вами сюда?

– Нет, никакое зло меня не сопровождает. Мы со старейшинами изгнали темного бога из Священной рощи, а потом появление Эпоны обратило в бегство затаившиеся остатки тьмы и разорвало связь, которую этот бог имел с душой Рианнон.

– Эпона простила Рианнон?

– Да. Я был тому свидетелем. – И ровным глубоким голосом опытного рассказчика Мирный Орел рассказал ему о том, что произошло с Рианнон в Священной роще.

– Она нашла наконец добро в своей душе. – Ричард медленно провел рукой по бледной и холодной щеке Рианнон.

– О боже! Шеннон!

Ричард поднял голову и увидел, что у задней дверцы машины стоит его жена. С вытаращенными от потрясения глазами она прижимала ко рту руку.

– Нет, Мама Паркер, нет. – Он быстро подошел к ней и взял ее за руки. – Это не Шеннон. Это Рианнон. Шш, не плачь. – Она с рыданиями уткнулась ему в плечо, и он погладил ее по спине. Утешая жену, он не заметил, что старый шаман тоже вылез из машины, но уж точно не пропустил его возвращение с новорожденным ребенком на руках.

– Это Морриган. Ваша внучка.

Старик протянул им ребенка, и Мама Паркер машинально взяла его. Дрожащими руками она развернула одеяльце.

Ричард Паркер заглянул жене через плечо – и пропал. Он полюбил эту новорожденную девочку с самого первого взгляда.

– Она выглядит точь-в-точь как только что родившаяся Шеннон, – сказал он и засмеялся, когда его глаза неожиданно обожгли слезы. – Такая же маленькая букашка.

– Дорогой, как ты можешь так говорить? – Мама Паркер задыхалась от переполнявших ее эмоций. – Для букашки она слишком красивая.

Ричард посмотрел на нее. Они поженились почти тридцать лет назад, когда Шеннон была маленькой девочкой. Патрисия Паркер не могла иметь детей, но она любила Шеннон и растила ее, как свою родную дочь. Сейчас ей было пятьдесят пять, а ему пятьдесят семь – чертовски много, чтобы вырастить еще одного ребенка.

Но Морриган, так походившая на его Шеннон, его Букашечку, притягивала к себе взгляд.

– В этом мире у нее больше никого нет, кроме вас, – сказал Джон Мирный Орел. – Рианнон просила вам передать, что она верит в вас и знает, что вы все сделаете правильно. – Он на мгновение замолчал, подбирая слова, и добавил: – Я чувствую в этом ребенке большую силу. И пока не ясно, добра ли эта сила или зла. Тьма, что преследовала ее мать, скорее всего, будет следовать по пятам и за Морриган. Если вы сейчас откажетесь от этого ребенка, боюсь, тьма может одержать над ней верх.

– Отказаться от нее! – вскрикнула Мама Паркер. Ричард почувствовал, как руки жены прижали к себе малышку. – О нет! Мы никогда бы не смогли так поступить.

– Пат, по-моему, ты должна все взвесить. Мы уже немолоды.

Она с улыбкой посмотрела в глаза мужу.

– Морриган будет поддерживать в нас молодость. И она нуждается в нас, дорогой. Кроме того, она – единственная частичка Шеннон, которая у нас, быть может, останется.

Не в состоянии вымолвить ни слова, Ричард кивнул и поцеловал жену в лоб.

– В кабине сидит моя дочь Мэри. У нее с собой детские вещи – подгузники, детское питание, бутылочки. Все, что может вам сегодня понадобиться.

– Спасибо вам. – Пат Паркер озарила старика улыбкой. – Мы очень ценим вашу помощь.

– Может, вы с Мэри пока отнесете в дом детские вещи, а мы с Джоном закончим здесь? – предложил Ричард.

Пат кивнула, но перед уходом бросила еще один взгляд на тело Рианнон.

– С трудом верится, что это не Шеннон.

– Это не Шеннон, – твердо сказал Ричард. – Шеннон жива и в полной безопасности в другом мире.

Ребенок беспокойно зашевелился, и Пат тут же переключилась с труп на малышку. Тихонько с ней разговаривая, она поспешила обойти машину и направилась к кабине. Ричард подождал, пока обе женщины скроются в доме вместе с детскими вещами, и повернулся к старому индейцу.

– Я не повезу ее в город. Это только наше дело, и ничье больше.

Джон Мирный Орел степенно кивнул.

– Хорошо, что современный мир больше никак с ней не связан. Она принадлежит другому времени и другому миру.

– Я хочу похоронить ее у пруда, под ветвями ивы. – Ричард смотрел в сторону темного пруда. – Эти деревья всегда казались мне очень печальными.

– И получится, что они ее словно бы оплакивают.

Ричард что-то проворчал и кивнул.

– Вы поможете мне?

– Да, я помогу.

Они вдвоем направились к сараю за инструментами.

– Что вы скажете Морриган о ее матери? – спросил по дороге Мирный Орел.

– Правду, – автоматически ответил Ричард и подумал, как, черт подери, он будет это делать.

Джон Мирный Орел и его дочь уехали, когда уже начало светать. Ричард был совершенно без сил. Он потирал занемевшую правую руку, которая всегда таким образом реагировала на слишком большую нагрузку. Интересно, заживет ли вообще когда-нибудь его рана? Он напомнил себе, что прошло всего пять месяцев с тех пор, как он разбил руку, пытаясь выбраться из полыньи замерзшего пруда – полыньи, которую пробил дьявол Нуада, когда пытался исполнить свою угрозу убить всех, кого любит Шеннон. Ричард почувствовал, что его кожа начала зудеть и подергиваться, как у лошади, которую покусывают мошки. Ему не хотелось вспоминать тот день.

Вяканье ребенка заставило его бросить взгляд через тускло освещенную спальню. Он тихо встал и, обойдя кровать, посмотрел на извивающийся сверток. Малышка спала в старой колыбельке, которую Мама Паркер принесла с чердака. Старая колыбелька Шеннон. Он уже и забыл, что сохранил ее. Христос, да она, похоже, лежала на чердаке больше тридцати лет. Без колебаний он взял Морриган на руки. Чуть неловко похлопал по спинке и поспешил из комнаты, чтобы не разбудить спящую жену.

– Шш, – стал он успокаивать малышку.

Наверное, она хочет есть. Новорожденных надо часто кормить – это он хорошо помнил. Ричард подогрел бутылочку с детским питанием. Детский запах и вес на руках вызывали в нем воспоминания. Он уже забыл, что держать на руках новорожденную дочь – это сродни священнодействию. Он никогда не был особенно религиозен. У него не было времени участвовать в делах душевной и лицемерной церкви. Он всю жизнь удивлялся, как легко люди верят, что Бог находится в каких-то зданиях и текстах, избыточно переведенных и раздерганных на предложения. Он нашел своего бога, или богиню, мысленно поправился он и про себя рассмеялся – в стогах мягкого пастбищного сена, в теплом запахе хорошо поработавшей четвертьмильной⁴ лошади, в преданности своих собак. Поэтому, держа на руках новорожденную девочку, он думал не о церкви и тому подобном. Он думал о совершенной красоте, чуде в самом его прекрасном исполнении. Он опустился в кресло-качалку и вздохнул, услышав, как хрустнули колени. Но несмотря на затекшую спину и плечи, он перестал ощущать себя стариком, глядя, как малышка сосет из бутылочки и издает тихие щенячи звуки. Он почувствовал себя человеком, вновь увидевшим магию рождения и жизни. И вновь родившейся любви.

– Мне кажется, мы с тобой поладим, – сказал он, обращаясь к малышке. – Мы с Мамой Паркер уже немолоды, но и не настолько тупоголовы, как эти двадцатилетки. И у меня есть кое-какой опыт отцовства. Если бы здесь была Шеннон, она бы тебе подтвердила, что мы с ней отлично ладили.

От мыслей о Шеннон ему, как всегда, стало грустно. Он скучал по ней. Но этим вечером, держа в руках сладкую маленькую девочку, он не так остро чувствовал потерю дочери. Тоска по Шеннон никогда не уйдет, но с этой малышкой, так сильно на нее похожей, может быть, станет не такой резкой.

Когда девочка покончила со своей бутылочкой, он поднял ее к плечу и хихикнул, когда она громко срыгнула, как маленький матросик.

– Точно как Шеннон, – произнес он. Потом уложил ее на согнутую руку – здоровую, конечно, – и стал укачивать. И откуда-то из глубин памяти возникли строки из книги, которую он много раз читал Шеннон, когда она была маленькой девочкой. – «Волчок Джонни – это рыжий кот. Хочешь узнать, почему его так зовут?»⁵ – Малышка моргнула и улыбнулась ему. И Ричарду показалось, что его сердце – словно придавленное тяжестью с того самого дня, когда его дочь ушла из земного мира – вдруг взмыло ввысь, как будто у него выросли крылья. Ему пришлось откашляться и проморгаться, прежде чем продолжить историю: – «Джонни крутится, когда...»

⁴ Порода скаковых лошадей.

⁵ Цитата из книги детской американской писательницы Бетти Рен Райт «Джонни Волчок».

Глава 5

Партолон/Оклахома

Я очень люблю свой «мир сновидений». Да, там нравится мне больше, чем в храме Эпоны (который я обожаю), в Тоскане (где я пила как лошадь, пока группа моих учеников пыталась водить меня по городу) и даже Ирландии (где ученики снова пытались заставить меня придерживаться образовательного тура и, к счастью, у них ничего не получилось). Я всегда умела контролировать свои сны – задолго до того, как оказалась в Партолоне и стала Избранной Эпоны. Ребенком я считала, что это нормально, и не видела в этом ничего необычного. Пока в третьем классе одна из подруг не пожаловалась, что накануне ей приснился кошмар. Я засмеялась и сказала что-то вроде «А почему ты не предложила своим снам отнести тебя в более приятное место?». Подруга посмотрела на меня как на ненормальную и сказала, что никто не может управлять своими снами. Я тут же заткнулась (что было для меня нехарактерно) и в тот же день спросила об этом отца. Папа объяснил мне, что обычно люди не могут управлять своими снами, так что лучше об этом помалкивать. Я так и сделала, хотя необычность этой способности мне совершенно не мешала.

В Партолоне мое управление снами превратилось в магию. Эпона нередко общалась со своей Избранной через сны. Хотя точнее было бы сказать, что это Избранная получала способность создавать астральную проекцию, которую партолонские жрицы именуют Волшебный сон. Другими словами, спящая душа Избранной (моя) может по прихоти Эпоны куда-нибудь спроецироваться. Это классное и странное действо. Эпона много куда меня проецировала – начиная с кровавой битвы с фоморианцами, где мой бестелесный дух спас жизнь моему мужу, и заканчивая чудом рождения новой жизни – рождения ребенка, которое приветствовали смеющиеся и поющие женщины.

Однако почти всю мою беременность Эпона использовала Волшебный сон по минимуму. Точнее сказать, после одержанной над Нуаду победой, заточением Рианнон и моего возвращения в Партолон (который я совершенно однозначно считаю своим домом). Вот почему меня так удивило, что мой сон внезапно прервали – мне снилось, что мне ласкает ноги Хью Джекман⁶, а Брендон Раут⁷ массирует плечи (оба, естественно, были в своих костюмах супергероев). И они ссорятся из-за того, кто из них больше достоин моей благосклонности этой ночью (я склонялась к Брендону. Он просто супер). Мой дух тут же вылетел через потолок храма Эпоны, как винная пробка из бочки моего любимого красного.

– О черт. – Я наглоталась ночного воздуха (да, я знаю, что тела у меня сейчас нет, но поверьте, по ощущениям это не отличается). – Тьфу, сейчас меня стошнит... голова кружится... и вообще я чувствую себя... – Я внезапно поняла, почему чувствую себя так странно, и усмехнулась. – Я чувствую себя небеременной!

Серебристый смех Эпоны, казалось, парил вокруг меня как музыка.

– А ты, Любимица, думала, что будешь чувствовать себя беременной даже после родов?

– Ну, нет. Но пройдет еще какое-то время, прежде чем я снова влезу в свои любимые слаксы для верховой езды. Так что, думаю, я просто считала, что в первую ночь после родов буду чувствовать себя такой же толстой и распухшей, как и до них.

– После рождения дитя дух восстанавливается быстрее, чем тело.

⁶ Хью Джекман – американский актер, игравший в одном из фильмов о Супермене.

⁷ Брендон Раут – американский актер, получивший известность после фильма «Люди Икс».

Я расслабилась, наслаждаясь звучащим в голове таким знакомым голосом моей богини. Но мое бесцельное болтание в воздухе быстро подошло к концу, когда я услышала следующие слова Эпоны:

– *И это хорошо, что дух восстанавливается так быстро. Сегодня тебе придется совершить трудное путешествие, и оно будет опаснее тех, что ты совершала на последних месяцах беременности.*

– Зачем? Неужели снова фоморианцы? – Я пыталась держать свои страхи в узде, но одна только мысль о нахождении этих ужасных созданий неподалеку от моей новорожденной дочери, спящей и такой беспомощной...

– *Нет, не фоморианцы.*

На мгновение я почувствовала облегчение, но потом вспомнила, что произошло перед тем, как усталость от родов погрузила меня в глубокий сон.

– Рианнон.

– *Рианнон*, – согласилась богиня.

– Но она мертва! – выплюнула я.

– *Да, Любимица. Рианнон мертва.*

– Я... я не знала, что она оставалась живой в том дереве все это время. – При мысли об этом меня до сих пор подташнивало. Часть вины за ее заточение лежала на мне, а часть на Клинте. И то, что сделал ради этого Клинт, стоило ему жизни.

– *К заточению Рианнон привел выбранный ею путь. Не твой и не Клинта. (Как всегда, казалось, что Эпона читает мои мысли.) Ты должна знать, Любимица, что перед смертью души Рианнон наконец смогла излечиться.*

– Я рада, – прошептала я искренне.

– *Она излечилась, и ее душа спаслась от темного бога, но Придери все еще жаждет получить в свою власть ту, в чьих жилах течет кровь моей Избранной.*

– Мирна! – У меня перехватило дыхание. – Он может прийти за моим ребенком?

– *Он может, Любимица. И кроме этого он может попытаться перетянуть тебя на свою сторону.*

Я презрительно фыркнула.

– У него нет ни единого чертова шанса.

– *С тобой и Кланфинтаном у Мирны будет очень мало шансов прислушаться к злобному шепоту Придери.*

– Мы чертовски уверены, что не сделаем ошибок, которые были допущены с Рианнон, когда она росла, – пробормотала я. Рианнон была испорченной и избалованной, она ни в чем не знала отказа. (Пометка самой себе: не забыть, что надо менять место, по которому буду шлепать, если (когда) Мирна станет слишком болтливой). – Мирна будет знать, что значит «нет, тебе это нельзя, малышка».

– *Теперь ты понимаешь, Любимица, что я беспокоюсь не о Мирне.*

– Да? – ограничилась я одним словом.

– *Приготовься, Любимица. И помни, что я рядом.*

Не успела я обеспокоиться тем, куда меня собирается забросить Эпона, как ясное небо над храмом искривилось и превратилось в подобие перевернутого торнадо. Черный конус двигался и раскрывался, показывая огненный туннель внутри, и я сощурилась, глядя на него. И не успела я пробормотать «Билли Джо Боб любит свою кухню», как мой дух всосало в эту взбаламученную преисподнюю. Мне было ничуть не легче оттого, что я больше не была прикреплена к своему телу. Было ощущение, что кто-то в буквальном смысле стискивает мое сердце. Я не могла даже вздохнуть. В полной панике я уже открыла рот, чтобы закричать, но тут мой дух вырвался из туннеля. Я совершенно не понимала, где я нахожусь. Меня тошнило. Я судорожно хватала ртом прохладный воздух и уже не в первый раз думала о том, что бестелесный

дух может быть так близко к тому, чтобы его стошнило. Но вскоре привычное парение в воздухе меня успокоило, и головокружение исчезло. Я посмотрела вниз и поняла, где нахожусь. Меня сразу наполнило счастье, изгоняя последние остатки тошноты. Я вернулась в Оклахому и парила над домом своего детства. Медленно-медленно мой дух стал опускаться на до боли знакомую крышу, и уже совсем скоро я висела посреди гостиной в доме моих родителей.

Я висела неподвижно, желая погрузиться в атмосферу комнаты. В ней практически ничего не изменилось. Вещи в беспорядке, но чистенько. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду. Жилище моих родителей не бездушный экспонат, а нормальный дом, где люди живут, смеются и любят. (Иногда беспорядок бывает даже в моих роскошных покоях в храме Эпоны!) По столам и этажеркам раскиданы книги. (Мои родители заядлые книголюбители и больше всего любят паранормальные романы. Да, их даже мой папа читает, и это доказывает, что мужчины вполне могут подняться выше подгуманоидного уровня «Спорт иллюстриейтед»⁸ и «Максима»⁹.) Комнату освещала только маленькая настольная лампа, которая была так низко опущена, что я не сразу поняла – рядом с ней спит в кресле мой отец.

Я улыбнулась и решительно сказала себе, что не буду ронять слезы. От одного только вида отца я чувствовала себя в тепле и безопасности. Чувствовала себя любимой. Господи, как же я скучала по нему. Я ощутила небольшой озноб и поняла, что Эпона поработала своей магией и сделала мой дух видимым. Я быстро осмотрела себя. К счастью, на этот раз я не была голой. Я снова оглянулась на отца, ухмыльнулась и уже открыла рот, чтобы закричать «Сюрприз! Папочка, это я», как вдруг книга у него на коленях шевельнулась. Запиналась. И загулила.

– Вот дерьмо, это же не книга!

При звуке моего голоса отец дернулся всем телом. Он заморгал и стал сонно оглядываться, явно думая, что я ему приснилась. Потом он поднял ребенка (ребенка?!) на плечо и ласково похлопал по подгузнику.

– Папа, откуда, черт подери, взялся этот ребенок?

Он снова дернулся, потом повернулся на звук моего голоса, и его глаза широко раскрылись.

– Шеннон? Ты, моя Букашечка?

– Да, папа, это я.

И прежде, чем я успела сказать что-то еще, он добавил:

– С тобой все хорошо? Ничего плохого сегодня не случилось?

– Да, все в порядке... на самом деле даже отлично. Сегодня я родила дочку. Мы назвали ее Мирна, и она просто потрясающе красивая. А ты теперь дедушка!

– Букашечка, девочка моя, это замечательно! – Он переложил ребенка на другую руку и вытер повлажневшие глаза.

Я посмотрела на малыша, и меня обожгло, словно я коснулась горячего утюга, узнавание.

– Чей это ребенок?

Я все поняла раньше, чем он ответил.

– Рианнон.

– Пап, но каким образом?... Она ведь умерла.

Он медленно кивнул.

– Да. Она умерла сегодня, рожая эту девочку.

– Девочку? – Мне стало неприятно, хотя я и знала, что это должна быть девочка. У Избранной Эпоны первым ребенком всегда рождается девочка.

– Рианнон назвала ее Морриган, – сказал отец.

– Разве Рианнон умерла прямо здесь? Я ничего не понимаю. Как она выбралась из дерева?

⁸ «Спорт иллюстриейтед» – известный спортивный журнал.

⁹ «Максим» – известный мужской журнал.

Папа вздохнул:

– Я знаю о случившемся из вторых рук. Я видел Рианнон уже мертвой. Старый шаман нашел ее и помог при родах. Он сказал мне, что Рианнон заключила сделку с темным богом, чтобы вырваться на свободу. Она должна была стать его Великой жрицей – и они с Морриган должны были перейти к нему в услужение. Но рождение дочери изменило Рианнон. Или, точнее, я полагаю, наставило на путь истинный. Рианнон отказалась от темного бога, но, поскольку уже была при смерти, бог ее не отпустил. Тогда она обратилась к Эпоне, и богиня ответила ей.

– Эпона простила Рианнон?

– Да, простила, – подтвердил отец.

Я знаю, что это было неправильно – слишком эгоистично с моей стороны, но, узнав, что Рианнон помирилась с Эпоной, я испытала прилив идиотской ревности.

Сейчас ты моя Избранная и останешься ею навсегда. Моя любовь к Рианнон не уменьшает мою любовь к тебе, Любимица.

Зазвучавший в моей голове голос Эпоны заставил меня виновато вздрогнуть.

А сейчас внимание, Любимица. Твой отец должен знать, каковы намерения Придери.

И я внезапно поняла, почему Эпона протащила меня через огненный туннель, который соединял наши миры. Не ради того, чтобы я смогла рассказать папе о Мирне или понять, что произошло с Рианнон.

– Папа, ты держишь на руках дочь Рианнон?

– Ну... да... – Он посмотрел на девочку и нежно коснулся ее щечки. – Это была последняя просьба Рианнон. Но дело не только в этом, Шеннон. Она так похожа на тебя маленькую. Я должен помочь ей – я не могу отдать ее чужим людям.

Его глаза молили о понимании. И как ни странно, я его поняла.

– Она выглядит точь-в-точь как Мирна. Просто фантастика. Хотя это и понятно. Мы с Рианнон были как близнецы. А Клинт и Кланфинтан как зеркальные отражения друг друга... – И тут я осеклась, задохнувшись от осознания. Это была дочь Клинта! И если бы я решила остаться в Оклахоме и не захотела вернуться в Партолон, Клинт сейчас был бы жив. Мы могли быть вместе. И мой следующий ребенок мог быть его... Я пресекла эти мысли, заставляя себя не плакать... и не сожалеть...

Отец удивился лишь на мгновение.

– Дочь Клинта, говоришь? Рад это слышать. Этот молодой человек мне нравился.

– Мне тоже, – тихо ответила я и спросила: – А шаман не говорил, что нашел под деревом тело Клинта?

Папа встретился со мной взглядом.

– Нет. И я уверен, если бы его тело там было, старик упомянул бы об этом. – Он сделал паузу. – Так что Клинт мертв.

Это не было вопросом, но я кивнула.

– Он принес себя в жертву, чтобы вернуть меня в Партолон.

– Да... да... Он был храбрым малым. Я обязательно расскажу Морриган, каким хорошим человеком был ее отец.

Его слова кое о чем мне напомнили.

– Папа, я здесь, потому что Эпона хочет, чтобы я тебя предупредила.

– О темном боге, который освободил Рианнон из дерева? – кивнул отец.

– Его зовут Придери. И он отнюдь не ласковый зайчик. Его называют трехликим злом, если называют вообще. Большинство жителей Партолона не станет даже произносить его имя. Когда-то давно он был мужем Эпоны, но потом предал ее, желая захватить власть. Она прогнала его, но он по-прежнему хочет вернуться. – Следующие слова я повторила за шепотом богини, зазвучавшим в моей голове. – Его сила питается поклонением. – Я замолчала, вспоминая, что объясняла мне Эпона. – Он как вампир. Высасывает все хорошее из тех, кто ему

поклоняется, и расцветает на пепле сожженных душ. И еще ему нужна великая жрица в качестве посредника, чтобы скрывать свои дьявольские намерения от поклоняющихся. – Я сделала глубокий прерывистый вздох. – Он хочет использовать дочь Избранной Эпоны, чтобы получить власть над Партолоном. И это значит, что Морриган не будет в безопасности даже здесь, в Оклахоме, поскольку, как мы знаем, некоторые иногда путешествуют из Оклахомы в Партолон и обратно.

Меня потрясло, что отец, казалось, совсем не удивился. Он только медленно кивнул и проговорил:

– Да, именно это и сказал мне шаман. Поэтому Рианнон и просила Эпону простить ее. Ради того, чтобы ее дух мог присматривать за дочерью и удерживать ее от соблазнов Темной стороны.

Несмотря на серьезность ситуации, я улыбнулась, услышав его оборот.

– Темная сторона, папа? Как у Дарта Вейдера¹⁰?

– Вполне разумное сравнение.

– Наверное, ты прав, – прыснула я.

– Так что мне просто надо проследить, чтобы в ней была велика Сила¹¹. – Он тоже хихикнул.

– Я серьезно, папа. Придери придет за ней. Вы с Мамой Паркер окажетесь в опасности, если оставите ее у себя.

– Мы понимаем это, Шеннон. Мы не новички в этом танце. – Он улыбнулся мне. – С темными богами или без них, но воспитывать ребенка – чертовски трудная работа. Сама увидишь.

Я, нахмурившись, посмотрела на него.

– Я говорю о злобном божестве, рыскающем в окрестностях, а не о трудностях двухлетнего возраста или несносности подростка.

– Несносный подросток – это уже перебор, – заметил отец, и я с трудом скрыла улыбку. Папа учил и тренировал детей уже миллион лет. Насчет подростков мы с ним имели одинаковое мнение.

– Ты понимаешь, что я имею в виду, – сказала я.

– Понимаю. – Он помолчал и потом вздохнул. – Ну что ты, Букашечка, хочешь, чтобы я сделал? Отдал ее воспитывать государству? Полагаю, это толкнуло бы ее прямо в руки Придери. – Он покачал головой и продолжил, прежде чем я успела ему ответить: – Нет-нет, я этого не сделаю. Мы с Мамой Паркер так решили. Мы вырастим ее и сделаем для нее все, что в наших силах. – Он улыбнулся, его глаза сияли такой знакомой любовью. – Однажды это ведь уже сработало. Ты не перешла на Темную сторону. Значит, сработает и еще раз, моя девочка-букашечка. – Он кашлянул и тихо добавил: – Эта маленькая девочка – все, что у меня есть от тебя и моей внучки. Кроме того, так я хоть что-то оставляю после себя в этом мире. Ты ведь не собираешься просить меня отказаться от этой мысли?

Я сморгнула выступившие слезы.

– Нет, папа. Я не могу просить, чтобы ты от этого отказался. Я просто хочу, чтобы ты был очень, очень осторожен.

– Я буду осторожен. Это я тебе обещаю. – Он усмехнулся: – Ну и призрак Рианнон будет витать где-то поблизости. Думаю, она поможет нам справиться с проблемой «монстры под кроватью» в воспитании Морриган.

Я оглянулась, почти боясь увидеть притаившееся где-то привидение, так похожее на меня.

– Ну и чудно же это!

¹⁰ Дарт Вейдер – персонаж «Звездных войн».

¹¹ Отсылка к цитате из фильма «Звездные войны: Новая надежда» – «В тебе велика Сила».

Он приснул:

– Не чуднее, чем твой дух, летающий по моей гостинной, пока тело находится в другом мире.

Я пожала плечами:

– В этом ты прав.

Скажи, что я благословляю его, Любимица. Тебе не стоит здесь дольше задерживаться. Такое большое расстояние между твоей душой и телом неестественно.

– Папа, – быстро сказала я. – Эпона говорит, что мне пора уходить. Но она хочет, чтобы я передала тебе ее слова: она тебя благословляет.

Отец с почтением склонил голову.

– Скажи Эпоне, я ценю это и прослежу, чтобы Морриган побольше времени проводила на свежем воздухе среди деревьев и знала имя богини.

– И среди лошадей, – добавила я, интуитивно зная, что одобрила бы Эпона. – Проследи, чтобы она побольше времени проводила среди лошадей.

– Да-да. Как ты сама, – согласился он. – У нее будет собственная лошадь.

– Было бы классно, если бы она была серой. У Избранной Эпона лошадь всегда серебристо-серая.

– Да, думаю, я смогу это устроить.

Я почувствовала, что мое призрачное тело сотрясает дрожь, и поняла, что вот-вот исчезну.

– Папочка, я люблю тебя! Только посмей об этом забыть. И я по тебе очень скучаю! Помни, что частичка тебя живет в Партолоне.

– Я тоже тебя люблю, моя девочка-букашечка. Надеюсь, ты еще вернешься повидаться со мной.

– Я постараюсь. Передай Маме Паркер, что я ее тоже люблю.

– Я передам. Ой, да! С днем рождения, Шеннон!

– Спасибо, папа, и, пожалуйста, не забывай об осторожности... – крикнула я, поднимаясь через крышу в небесную высь. Отец и его гостинная исчезли из виду, и не успела я прийти в себя, как меня снова засосал огненный туннель.

– Вот дерьмо! – Я села слишком резко и поморщилась от боли во всем теле.

– Риа? Что с тобой? – Кланфинтан быстро подошел к нашей кровати. Он только что вернулся из Священной рощи – от него исходил неясный запах пота и влажной земли.

Нетвердой рукой я убрала с лица спутанные волосы.

– Волшебный сон... Сегодня он был особенно странным. Эпона вернула меня в Окла-хому.

Карие глаза Кланфинтана сузились от беспокойства.

– Почему именно туда?

Я ответила ему вопросом на вопрос:

– Ты ведь не нашел тело Рианнон, не так ли?

– Нет. – И я увидела, как на его лице отразилось понимание. – Она умерла в твоём старом мире.

Я кивнула:

– Но сначала она родила ребенка. Сегодня. Дочь, которую мои родители решили взять к себе на воспитание.

Кланфинтан, казалось, был потрясен не меньше меня самой, обнаружившей в руках своего отца Морриган. Потом я проследила за его взглядом, и мы оба посмотрели на маленькую прекрасную девочку, которая мирно спала в колыбельке около нашей постели.

– Дочь Рианнон похожа на Мирну как две капли воды, – сказала я и заметила, что Кланфинтан вздрогнул от удивления. Потом он встретился со мной взглядом, и я увидела, что его глаза потемнели от беспокойства.

– Зачем Эпона послала твой дух к твоему отцу?

– Она хотела, чтобы я его предупредила. Рианнон освободил из дерева Придери. Предполагалось, что она станет его приближенной или что-то в этом роде, но рождение дочери изменило ее... излечило... – От нахлынувших эмоций у меня пропал голос, и я откашлялась. – Перед смертью Рианнон получила прощение Эпоны, и ее связь с темным богом была разрушена, но, похоже, Придери по-прежнему охотится за Избранной Эпоны – или дочерью Избранной.

– Тогда этому темному созданию лучше искать в другом месте. Он не прикоснется своим злобным шепотом к нашей дочери.

– Вот поэтому Эпона и послала меня предупредить папу. Он остался без меня и без Мирны (и других детей, которые, возможно, у нас родятся). Так что вполне логичным выбором для него была бы...

– Дочь Рианнон, – закончил он за меня.

– Точно, – подтвердила я.

– И твой отец готов бороться за душу ребенка с самим темным богом?

Я мрачно улыбнулась мужу.

– Папа не отдаст Темной стороне того, кого любит.

Кланфинтан, естественно, не видел «Звездные войны» (даже старые), но отлично ухватил суть.

– Но сможет ли он уберечь ее? Маккаллан не смог уберечь Рианнон от соблазнов тьмы. Мне вдруг стало холодно, я вздрогнула от озноба.

– Я не знаю. Думаю, нам остается только ждать и смотреть, что получится.

– И молиться о том, чтобы Эпона нам помогла, – сказал он.

– И молиться о том, чтобы Эпона нам помогла, – эхом отозвалась я. И про себя добавила: «Пожалуйста, Эпона. Я понимаю, что это не ваш мир, но хоть как-нибудь помогите моему папе, Маме Паркер и маленькой Морриган».

Потом в колыбельке зашевелилась моя собственная дочь, и мое внимание переключилось от тьмы и Оклахомы на Партолон и свет начала новой жизни.

Часть вторая

Глава 1

Оклахома

Сколько Морриган себя помнила, она всегда отличалась от других. И не только потому, что росла с бабушкой и дедушкой. Она знала детей, чьи родители были неудачниками, и потому их приходилось воспитывать бабушке с дедушкой. И не только потому, что ее родители умерли – хотя среди ее знакомых и не было круглых сирот. И не потому, что в отношении религии Ба и Де учили ее странным вещам. Оклахома входила в «Библейский пояс»¹², но даже в Брокен-Эрроу в школе можно было встретить детей другой веры. Ну, в общем их было не так много, но они были.

Она была другой, потому что слышала то, чего другие не слышали, и чувствовала то, чего другие не чувствовали.

Морриган вздохнула, продолжая вытаскивать из шкафа свои дневники и аккуратно складывать их в коробки.

– Все это тут. Все мои странности. Хроники для развлечения народных масс. – Она склонила голову и взмахнула руками, словно принимая бурные овации. – Нет... нет... Вы слишком добры ко мне. Правда.

– Морги! Дорогая! Тебе там помочь?

– Не надо, бабушка! Все хорошо.

– Хочешь, я налью тебе чая со льдом?

Морриган еще раз вздохнула, но потом улыбнулась и постаралась, чтобы это отразилось в ее голосе.

– Нет, бабушка. Не волнуйся. Я скоро закончу.

– Ну хорошо. Твои подруги появятся уже совсем скоро. Так что, если тебе нужна моя помощь...

– Мама Паркер, оставь девочку в покое. Если она сказала, что все в порядке, значит – все в порядке...

Морриган хихикнула от грубоватого голоса дедушки и мягкого ответа бабушки. Де, казалось, всегда знал, когда ей нужно побыть одной. Нет, она любила бабушку и уважала ее, но Ба часто вела себя как... ну, в общем, курица-наседка. И восемнадцатилетняя девочка, которая сейчас собирала вещи, чтобы уехать в колледж, не нуждалась в такой опеке. По крайней мере, не с утра до вечера.

Она вытащила очередной дневник и стала беспокойно его перелистывать. Тяжело было думать об отъезде. Да, конечно, Университет штата Оклахомы не дальний свет. Всего в полутора часах езды. Но это уже не Брокен-Эрроу, не ее дом. И там ей придется заново заводить знакомства, искать новых друзей. Морриган нахмурила брови. У нее вообще не очень-то получалось обзаводиться подругами. Она вела себя тихо и застенчиво. Чужие принимали это за высокомерие. В результате она постоянно чувствовала, что совершает акт насилия над своей личностью – со всеми здоровается и улыбается, хотя на самом деле ей хочется посидеть в сторонке и привыкнуть к происходящему и только потом к нему присоединиться. Именно поэтому она пошла в театральную драматическую студию и даже сыграла в нескольких школьных поста-

¹² Библейский пояс – значительный регион США, где процветает евангельский протестантизм.

новках. Они с дедушкой придумали один план, когда она еще училась в средней школе: если она собирается поступать на драматический курс, может учиться «играть» прямо в своей обычной, каждодневной жизни.

Да, это кажется неправильным и в какой-то степени даже сродни обману. Но оно таким не было. Морриган нужно было найти способ приспособиться. И не только ради себя. Для бабушки и дедушки тоже было немаловажно, чтобы у нее были подруги. И чтобы она вела себя как обычная девушка, даже если таковой не являлась. Они понимали ее, но больше на самом деле не понимал никто.

И она стала играть. Пошла учиться танцам и все четыре года средней школы выступала в команде поддержки. Встречалась с парнями (в основном, с футболистами или рестлерами – с одобрения Де). Она сознательно старалась вести себя как обычная девушка.

Но где-то в глубине души она была далека от обычности.

Морриган бросила в коробку очередной дневник. Он раскрылся, и глаз выхватил детский корявый почерк. Она взяла дневник и стала читать с открывшейся страницы.

2 апреля (еще 28 дней до моего 9-го дня рождения!)

Дорогой дневник,

я правда, правда думаю, что Де и Ба подарят мне на день рождения лошадь! И не только потому, что постоянно прошу об этом и всем доказываю, что уже взрослая и могу сама о ней заботиться. Мне рассказал об этом голос ветра. Прошептал, что моя лошадь уже в пути и что я должна ее любить и лелеять. А голос ветра почти всегда прав.

Наверное, я должна рассказать Де, что со мной говорил ветер, но...

Морриган не обязательно было переворачивать страницу, чтобы вспомнить окончание этой давней записи.

Она слишком хорошо помнила ту маленькую девочку. Девочку, которая обожала всех и вся, души не чаяла в деревьях и нежно любила замечательную, серую в яблоках кобылу, которую ей подарили на девятилетие. Девочку, которая никогда не искала среди теней зло, верила, что голоса в ее воображении – это ее особые друзья, и совершенно не считала себя странной из-за своей способности чувствовать духов земли.

Нет, только не сегодня. Она не станет сейчас вспоминать об этом. Морриган покачала головой. Ей и так сегодня многое придется пережить. Ей надо собрать вещи перед отъездом и совершить последнюю поездку с подругами, прежде чем они отправятся в разные колледжи. Битва добра и зла подождет, пока она не устроится в общежитии. Она же не Баффи. Морриган фыркнула. Она даже не Эовин, хотя и отдала бы что угодно, чтобы стать воительницей Рохана¹³.

Была ли на самом деле битва между добром и злом? Может, ее чудаковатые бабушка с дедушкой все выдумали?

– Нет, – твердо сказала себе Морриган, отпихивая в сторону сомнения, что последняя мысль не ее собственная и нашептана ветром. Желая отвлечься, она пролистала дневник до 30 апреля и позволила себе улыбнуться и расслабиться, читая свои детские восторги.

Дорогой, дорогой, дорогой дневник!

ОНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОДАРИЛИ МНЕ ЛОШАДЬ! Я знала, я так и знала! Это самая прекрасная, удивительная, невероятная лошадь в мире! Ей всего два годика. Де говорит, что это позволит нам вместе вырасти. (Де такой смешной.) Она такого удивительного цвета – серая в пятнышко, и такая светлая, что кажется почти серебряной. Думаю, я назову ее Голубкой, она ведь такая милая и ласковая. И ОНА МОЯ!

¹³ Персонажи романа «Властелин Колец» Д. Толкиена.

Де и Ба самые лучшие! Не важно, что они старенькие.

Когда я сегодня чистила Голубку, Де рассказал мне о богине Эпоне, повелительнице лошадей. А еще она покровительница земли, деревьев, камней и всего остального. Он сказал, что если я действительно рада своей лошади, то должна поблагодарить Эпону, потому что она одаривает своим вниманием тех, кто получает свою первую собственную лошадь. Это была классная идея, и после наступления темноты я прокралась к большому дереву у переднего крыльца (оно растет прямо под окном моей спальни) и сказала Эпоне «СПАСИБО». Это дерево очень большое, и я решила, что если она является покровительницей деревьев, то оно должно ей нравиться. Я подтащила к дереву садовое кресло, встала на него и поднялась на цыпочки, вытянув как можно выше мой любимый блестящий камешек (я нашла его прошлым летом, когда пропалывала сад). И сказала Эпоне, что этот камешек для нее.

И знаешь что, дневник? Клянусь, я слышала, как наверху в ветвях кто-то рассмеялся! Какая-то девочка!

– А на следующий день мой блестящий камешек исчез, – прошептала Морриган.

И с этого начались ее отношения с Эпоной. Чем старше она становилась, тем чаще бабушка с дедушкой говорили с ней о богине. И тем чаще думала о ней сама Морриган.

Морриган не помнила, когда именно голос ветра стал для нее голосом богини, она знала только, что вскоре после исчезновения камешка у нее в голове стал звучать голос, больше напоминающий музыку, чем божественный шепот.

Так продолжалось до тех пор, пока она не рассказала Де, что с ней разговаривал ветер. Она никогда не забудет его лицо. Он смеялся вместе с ней над какой-то проделкой Голубки, а потом резко побледнел и стал очень серьезным. Он усадил ее рядом с собой и заговорил.

Был ли этот разговор длинной, смущающей ее лекцией на тему секса, менструаций или чего-то подобного? Нет, это был разговор о добре и зле и о том, как и то и другое затрагивало ее жизнь.

Морриган отложила эту тетрадь и стала перебирать остальные, пока не нашла то, что хотела. Ей не пришлось долго листать страницы, чтобы найти запись, сделанную после разговора с Де.

13 сентября

Дорогой дневник,

похоже, 13-е и правда несчастливый день. Сегодня я рассказала Де о голосе ветра, и он повел себя очень странно. Меня напугало то, что он рассказал мне.

Морриган закрыла глаза. Ей не было необходимости перечитывать свой детский пересказ разговора. Она слишком хорошо его помнила – и безо всякого смягчения за счет детской невинности.

Они втроем сидели за кухонным столом.

– Морриган, я хочу, чтобы ты выслушала меня очень внимательно, – сказал Де.

Она сразу поняла, что он говорит серьезно. Он назвал ее полным именем, а не как обычно – Морги или малышка Морги. Она хорошо помнила, что от его тона у нее засосало под ложечкой.

– Ты думаешь, что я сумасшедшая, раз слышу голос ветра, – сболтнула она.

– Нет, дорогая! – Ба погладила ее по руке. – Дед, скажи, что мы верим ей и не считаем ее сумасшедшей.

– Нет, конечно нет, – проворчал тот. – Ты не сошла с ума. Мы верим, что ты слышишь голоса ветра. – Он вздохнул и потер под очками веки. – Это напоминает мне тот случай, когда

ты совсем маленькой рисовала картинки с камнями и деревьями, у которых были сердца. Ты помнишь, что говорила нам о них?

Естественно, она помнила.

– Я сказала, что пририсовала им сердца, потому что знаю: они живые.

– Верно, – согласился дедушка. – И говорящий ветер – из той же серии.

– Ветер – это дух из другого мира? – обрадовалась Морриган и подумала, что если голос ветра – это то же самое, что одушевленные деревья и камни, то все в порядке. И может, даже один из этих голосов – симпатичный девчачий голос – принадлежит самой Эпоне!

– Не все так просто, дорогая, – сказала Ба.

– Деревья и камни хорошие. Но голос, который ты слышишь...

– Голоса, – прервала она деда. – Это не всегда один и тот же голос, но я все их считаю за голос ветра.

Де посмотрел на Ба долгим взглядом и потом снова обратился к Морриган:

– Ты ведь знаешь, что в мире есть добро и зло, не так ли?

– Да, мы сейчас учим по истории Вторую мировую войну. Гитлер был злом.

– Да, это верно.

– И еще многие дети верят в Сатану. Он тоже зло.

– Да. Но иногда зло узнать не так просто, а кроме того, не все добро видится таковым с первого взгляда.

Морриган сморщила нос:

– Как противная брюссельская капуста, которая на самом деле полезная?

Дед хихикнул:

– Точно, как брюссельская капуста.

Морриган вспомнила, что именно тогда она внезапно поняла, что он пытается ей сказать.

– Ты имеешь в виду, что голоса ветра могут быть плохими?

– Не все, дорогая, – сказала Ба.

А Де глубоко вздохнул, и Морриган вспомнила, что он показался ей ужасно усталым. Он добавил:

– Твоя мама слышала голоса. Это были шепчущие голоса. Некоторые из них были хорошими. Среди них был даже голос Эпоны.

Морриган испытала благоговейный трепет, узнав, что ее мама, оказывается, слышала голос богини. И раз ее мама могла, то, вероятно, она тоже сможет его услышать! Но следующие слова дедушки действовали на нее как холодный душ.

– Но помимо этого она слышала и плохой голос. Слушая его, она стала меняться в плохую сторону. И только когда родилась ты, она поняла, что совершила ошибку и позволила злу завладеть собой.

– Но ты говорил, что моя мама была хорошей. – Морриган едва сдерживала слезы.

– Она и была такой. В ней было много хорошего. Но шепот дьявола задавил в ней добро.

– Такой же, как голоса, которые я слышу?

– Морриган... – Де наклонился к ней и положил на ее руку свою ладонь – большую и жесткую. – Наверное, один из этих голосов – это твоя мама. Думаю, она присматривает за тобой. А другой голос, возможно, голос самой Эпоны. Богиня была очень близка с твоей матерью. Но, вероятно, и дьявол, что нашептывал зло твоей матери, тоже пытается оказать на тебя влияние.

– Мы тебе это рассказываем не для того, чтобы напугать, – сказала бабушка.

– Нет, конечно. Я не хотел говорить тебе об этом, пока ты не вырастешь. Но раз ты уже слышишь голоса, важно, чтобы ты знала, что надо быть осторожной, – добавил дед.

– И умной, – улыбнулась ей Ба. – Ты же умная девочка. Как говорит твой дедушка, не надо бояться, просто будь осторожной.

– Но как мне узнать, какой голос плохой? – Морриган хорошо помнила, какой озадаченной и испуганной тогда чувствовала себя, несмотря на их поддержку.

– Не слушай его, если понимаешь, что он говорит неправильные вещи, – твердо сказал Де. – Если его слова эгоистичны, злы или лживы, не слушай его.

– Ты всегда можешь обратиться к свету, милая. Камни и деревья, в которых ты чувствуешь дух земли, – это свет и добро, – добавила Ба.

– И мы будем рядом, чтобы помочь тебе, малышка Морги, – ворчливо проговорил дедушка и похлопал ее по руке.

– Мы всегда будем рядом, милая. Мы будем с тобой.

Морриган улыбнулась, вспоминая, как потом бабушка обняла ее и отвлекла, попросив помочь нарезать на кубики сливочную помадку. Но она не смогла отвлечься, во всяком случае, надолго. Той же ночью она пошла на восточный край пастбища к огромной иве, под которой покоилась надгробная плита. Одна плита на двоих с простой надписью:

ШЕННОН И КЛИНТ

ЛЮБИМАЯ ДОЧЬ И МУЖЧИНА, РОЖДЕННЫЙ,

ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ ЕЕ

Морриган была тогда еще маленькой и не понимала всей необычности этой надписи. Обычно на могилах были выгравированы полные имена умерших и даты рождения и смерти. В конце концов она спросила об этом Де, но он только сказал, что главное – это слова, написанные на могильном камне.

В тот день Морриган вошла под свисающие занавесом ветви плачущей ивы, что обрамляли могилу, и смахнула с надгробья опавшую листву. Потом провела пальцем по имени матери.

– Как бы я хотела, чтобы ты была здесь, – шепотом сказала она. – Или хотя бы точно знать, что один из голосов ветра принадлежит тебе. – Морриган прислушалась, надеясь, что мама скажет, что действительно разговаривает с ней при помощи ветра. Но ничего не услышала, кроме шелеста ивовых листьев.

Стояла полная тишина. Потом она отвернулась от могилы, и вот тогда-то все и произошло. Морриган вспомнила, что внезапно солнце зашло за облака, и она задрожала от резкого и холодного порыва ветра. И в том ветре она внезапно услышала: *Слушай свое сердце, и ты узнаешь меня...*

Морриган моргнула и вернулась в настоящее. Она решительно закрыла старый дневник и сунула его в коробку. Она не хотела вспоминать тот день. Ее и так много лет преследовали слова бабушки и деда, сказанные тогда. Нечего сегодня переживать их заново. Она схватила очередную тетрадь дневника.

– Что-нибудь приятное... что-нибудь светлое... вот что мне нужно, – пробормотала она и радостно вскрикнула, увидев среди тетрадей одну в ярко-розовой обложке. Она выхватила ее. – Да, это она. Точно, здесь! – И с улыбкой стала читать дневниковую запись, которую сделала в тринадцатилетнем возрасте.

4 ноября

Дорогой дневник,

господи, сегодня случилось нечто совершенно потрясающее! Да, сегодня холодно, но мне надо было потренировать Голубку, и мы с ней галопом поскакали через огромное пустое поле к Священной роще. Где-то на середине пути мы спугнули индеек. Они взлетели и перепугали нас до смерти. Голубка рванулась вперед, потом, видно, ударилась обо что-то копытом и споткнулась, и я с нее упала. Представляешь? Я никогда не падала с лошади. Ну, это не было очень больно, и я больше беспокоилась за Голубку, чем за себя. Она сильно прихрамывала, и я подумала, что она могла сломать ногу. Я заставила ее стоять смирно и стала ощупывать

ногу. Я жутко испугалась, меня трясло, по щекам текли слезы, и вдруг я поняла, что МОИ РУКИ СВЕТАТСЯ! Да, так и было. На самом деле казалось, что они светятся изнутри, как маленькие свечки. Не могу дождаться, когда придут домой Ба и Де и я расскажу им!

Р. С. С ногой Голубки все хорошо.

Морриган улыбнулась себе тринадцатилетней, с нежностью вспоминая детство, проведенное с милой, серой в яблоках кобылой, которая сейчас отправлена на заслуженный отдых. Годы, что Морриган будет в колледже, Голубка проведет, лениво пожевывая клевер, сытая и довольная, на самом зеленом пастбище Де. Тихонько рассмеявшись, Морриган подняла руку. Повернула ее ладонью вверх и уставилась на нее, сильно сосредоточившись. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем по ее ладони заскакал крошечный огонек. Но он сразу пропал, еще до того, как Морриган успела его как следует разглядеть. Она вздохнула и потерла руки – правую ладонь до сих пор покалывало, она казалась горячей. Но ничего больше. Она могла бы проделать это снова, но эффект сохранялся ненадолго. Ни бабушка ни дедушка не могли объяснить эту ее необычную способность. Они тоже понятия не имели о том, откуда она взялась и что означает.

Правда, ветру кое-что все-таки было известно. Все эти годы он шептал о родстве Морриган с пламенем, о том, что может нести свет, и говорил другие столь же загадочные вещи. Морриган не понимала, что пытаются объяснить ей голоса, а расспрашивать боялась. Вдруг окажется, что она расспрашивает дьявола? Этот способ был слишком сложный.

– Морги, милая, уже много времени.

От мягкого бабушкиного прикосновения Морриган дернулась так, словно ее коснулся оголенный провод.

– Вот дерьмо! Бабушка! Не надо ко мне так подкрадываться. Я чуть штаны не намочила от страха!

– Следи за своей речью, – строго сказала Ба, но тут же улыбнулась, чтобы смягчить выговор. – И я к тебе не подкрадывалась. Я тебя три раза звала. Похоже, ты витала где-то далеко.

Морриган почувствовала, как глупо сидеть среди кучи дневников. Хватит вытаскивать наружу прошлое и снова забавляться своими странными способностями. Ей ведь придется скрывать их во время учебы в универе. Сейчас лучше сосредоточиться на будущем.

– Извини, Ба, – быстро проговорила она, запихивая в коробку оставшиеся дневники. – Наверное, я замечталась.

– Ну, тогда пойдем. Твой завтрак остывает. Да и не успеешь ты оглянуться, как появятся твои подружки. До алебастровых пещер три часа езды. Тебе нужно как следует заправиться перед поездкой. – Последние слова она произнесла уже на ходу, направляясь обратно на кухню.

Как и просила бабушка, Морриган прибавила скорости. Снизу доносились соблазнительные ароматы бекона, кофе и черничных маффинов. Ба уже наверняка собрала ей – и ее подругам – замечательный ланч. Страхнув с себя странное чувство, которое всегда оставалось у нее после вызывания пламени, Морриган подхватила теплую кофту и обувь и устремила в знакомое тепло кухни.

Она проигнорировала отдающийся эхом смех, который, казалось, витал вокруг нее.

Глава 2

– Мама Паркер охренительно готовит, – пробубнила Джина, рот у нее был набит мясным сэндвичем.

– Да, но если она услышит от тебя слово с корнем «хрен», то скажет «Следи за своей речью». – Морриган очень правдоподобно изобразила Маму Паркер, и девочки засмеялись.

– Я бы не стала говорить «охренительно» в присутствии твоей бабушки. Я не хочу, чтобы она разозлилась. А то еще перестанет нас кормить, – сказала Джина.

– Это было бы дерьмово, – согласилась Джеми.

– Мама Паркер слишком милая, чтобы на нас злиться. А ругаться при ней было бы глупо, – улыбнулась Лори. – Нам пришлось бы перейти на еду моей мамы – попрощаться с вкусными домашними сэндвичами и шоколадным печеньем и поприветствовать макароны с сыром.

– А моя мама считает за готовку заказанную в доставке пищу. А если она хочет чего-то супер-пупер, то заказывает еще сырные палочки и густой соус «рэнч», – добавила Джина.

– Моя мама делает то же самое, – кивнула Джеми.

– Может, вам самим стоит поучиться готовить? Вам же уже по восемнадцать, и через несколько дней вы тоже уезжаете в колледж. Чем вы собираетесь там питаться? – поинтересовалась Морриган.

– Тем, чем кормят в общежитии, конечно, – сказала Джеми.

– Я буду есть то, что сготовил кто-то другой. Типа «Тако Белла»¹⁴. Мне нравится, как там готовят, – сообщила Лори.

– Питаться? – Джина постучала по подбородку ногтем с идеальным французским маникюром, на ее лице появилось озадаченное выражение. – Ближайшие четыре года я собираюсь питаться пивом и футболистами.

Подружки покатались со смеху. Морриган закатила глаза. Да, ей нравились эти девчонки. Они дружили со средней школы, но, даже когда они были детьми, Морриган всегда чувствовала себя умудреннее и старше их. То, что она чувствовала себя старшей (и соответственно вела себя), казалось ей правильным, ведь за ними определенно надо было присматривать. Но сейчас эта повинность раздражала ее все сильнее и сильнее. Неужели они так никогда и не повзрослеют?

– Ну ладно, мне все равно. Просто я рада, что в колледже не буду зависеть от «Тако Белл» и «Пиццы Хат».

И в доказательство мнения Морриган о ее инфантильности Джина показала язык.

– Эй, напомните-ка мне, зачем мы сегодня здесь собрались, вместо того чтобы сходить на сезонную распродажу в «Гапе»¹⁵? – сказала Джина.

– Мы собрались потому, что Морги нравятся всякие странные занятия, а еще потому, что это последняя возможность до Рождества заняться этими странностями вместе с ней, – заявила в ответ Лори.

– То, что мне нравится, ничуть не странное.

– Улика номер один. Тебе понравилась шестимильная пешая прогулка к Кейстоунской дамбе. – Лори выставила палец, как бейсбольный судья. – Если я помню правильно – а я в этом уверена, – это было еще то развлечение. Жарища, я была вся потная, и вдобавок нашла у себя на бедре клеща, который искал дорогу ко мне в трусы.

– Да зачем ему твои трусы. – Морриган еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

¹⁴ «Тако Белл» – сеть американских забегаловок мексиканской еды.

¹⁵ «Гап» – популярная торговая сеть модной одежды.

– Не спорь со мной. Я видела серию «Доктора Хауса». Там клещ скрывался у девчонки во влагалище. – Лори содрогнулась. – Это было просто отвратительно.

– Ну, это уже пошло, – состроила гримасу Джина.

– И полнейшая выдумка. – Морриган безуспешно пыталась придать смысл их разговору.

– Улика номер два. – Лори выставила еще один палец. – Турпоход.

– О, да ладно тебе! Это было в девятом классе.

– Время не сделало его менее ужасным, – строго сказала Лори.

– А он таким и не был. Я помню, было весело.

– Ага, потому что ты любишь играть в бойскаутов, тебе нравятся походы и... и сама природа. – Последние слова Лори произнесла таким тоном, словно это были симптомы смертельной болезни. – Все, кроме тебя, надолго запомнили москитов.

– И огромных колибри, – вставила Джина.

– И клещей, – подхватила Лори.

– Ой, не напоминайте. А то я прямо тут чесаться начну, – попросила Джеми.

– И змей, – триумфально закончила Лори.

– Там была всего одна, – напомнила Морриган.

– Как будто есть разница, – пробормотала Джина.

– Все равно там было классно, – повторила Морриган. Она никогда бы им не призналась, что после того неудачного похода они с Де много раз ходили к месту их тогдашнего лагеря. Она обожала турпоходы.

– Классно? – переспросила Лори. – Нет. Там было грязно, жарко и полно летающей живности. Вот новая старбаксовская кофейня в Брокен-Эрроу – это действительно «классно». Как и браслет, который мне подарил Кит. – Она покрутила кистью, чтобы показать, как блестят тоненькие золотые колечки. – И мои туфли на каблуках от Кеннета Коула – те самые, что ты не разрешила мне сегодня надеть, потому что мы потащимся в противные, темные, холодные пещеры с летучими мышами. А туризм – нет. Чувствуешь разницу?

– Постой, а что, в пещерах живут летучие мыши? – Джина выпрямилась и перестала играть волосами. – Никто мне об этом не говорил.

– Ну, привет! Это же пещеры. Естественно, что в них есть летучие мыши, – заявила Джеми.

Морриган вздохнула.

– Сейчас лето. Никаких летучих мышей ты не увидишь. Они прячутся в темных и холодных закоулках. Да и какая разница, если вдруг одну заметишь.

– Вот, наконец, мы и подошли к третьей улике, доказывающей, что Морги любит странные занятия. – Лори сделала драматичную паузу, выставив третий палец. – Ночные танцы голышом.

Джеми застонала.

– Нам обязательно говорить об этом? – Джина покраснела как рак при одном воспоминании и стала обмахиваться рукой.

– Это признаю. Хотя все было бы еще ничего, если бы на нас была обувь, а этот отвратительный Джош Риддл не стал за нами подглядывать, – заметила Морриган.

– Мне до сих пор снятся кошмары про его маленькие выпученные глазки, – пожаловалась Джина.

– А у меня в кошмарах совсем не маленькая часть его тела, – призналась Лори.

Джина изобразила, что ее тошнит.

– А зачем мы туда пошли? Я не помню, – призадумалась Джеми. – Наверное, моя память это блокировала.

– Мы праздновали Эсбат. – Краткое сообщение Морриган было встречено озадаченными взглядами, и она добавила: – Празднование полной луны. Бабушка мне рассказывала, что неко-

торые язычники празднуют полную луну ритуальным танцем или просто обнажением в лунном свете. Мы тогда думали, что это будет хорошим развлечением.

– Нет, это ты думала, что это развлечение, а мы с тобой только согласились, – поправила ее Лори.

– Так странно, что Мама Паркер столько знает о всяких странных религиях. Она такая милая бабушка и кажется совершенно обычной, а потом вдруг однажды вечером ты едешь по переулку и видишь, что она стоит у дома и льет вино с медом в костер, который развела посреди двора. Она тебе улыбается и говорит что-то вроде «Я уже заканчиваю подношения богине на Имболк¹⁶. Будь как дома, дорогая. На кухне есть печенье», – сказала Джина.

– По-моему, здесь нет ничего странного, – сузила глаза Морриган.

– Это не значит, что я не считаю Маму Паркер классной. Я считаю, – быстро сказала Джина.

– Но, согласись, для Оклахомы она ведет себя необычно, – возразила Лори.

Морриган пожала плечами:

– Я никогда не понимала, что хорошего в обыденности.

– В точку, – сказала Джеми. – Я всю жизнь хожу в суперскупную методистскую церковь Брокен-Эрроу, и ее не сравнить с весельем Пасхального дерева желаний.

Вспомнив об этом, девочки заулыбались.

– Оно называлось древо желаний Эостры¹⁷, – уточнила Морриган.

– Помните, как Мама Паркер сажала цветы вокруг этого дерева? – спросила Джина.

Морриган кивнула.

– Да, нарциссы, шафран и гиацинты. Я еще зимой помогала ей прорастить луковицы.

– А когда они начинали так чудесно цвести, Мама Паркер давала нам шелковые ленточки и кристаллики...

– И классные маленькие звездочки из блестящей фольги, – прервала Лори Джина. – И вручала нам чистые открытки с цветами, чтобы мы могли записать свои желания. А потом мы развешивали эти открытки на ветках дерева.

– Ага, и Мама Паркер рассказывала нам, что это еще один способ донести до Истеры¹⁸ наши молитвы. Это всяко лучше, чем просыпаться засветло и скучать на жесткой скамье во время службы, – добавила Джеми.

– Это и правда было круто, – кивнула Лори.

– Круто, – эхом отозвалась Джина.

– Раз вам понравилось, может, вы не так уж и против моих странностей? – Морриган старалась говорить легко и непринужденно, но в глубине души она постоянно боялась, что подруги могут в какой-то момент осознать, что она не вписывается в общепринятые рамки – несмотря на все ее актерские способности. И тогда они уйдут, а она останется в одиночестве со своими голосами из ветра и вопросами без ответов.

– Морги, детка, да мы обожаем твои странности! – закричала Джина и обняла ее за плечи.

– Конечно, обожаем. Без твоих странностей мы бы не были Великолепной Четверкой, – добавила Джеми.

– И именно поэтому мы идем с тобой к пещерам, полным летучих мышей, вместо того, чтобы прошвырнуться по магазинам, – сказала Лори.

– Ну, хватит уже про летучих мышей, – простонала Джина.

В этот момент звякнул колокольчик, чем-то напомнив Морриган о хозяевах ранчо, которые таким образом звали ужинать своих ковбоев.

¹⁶ Имболк – один из четырех основных кельтских праздников, посвящен богине Бриггитте.

¹⁷ Эостра – тевтонская богиня весны и плодородия, имя которой связывают с возникновением праздника Пасхи.

¹⁸ Истера – кельтская версия богини весны (Пасха).

– Трехчасовой тур по пещерам уходит через две минуты! – проревел мужской голос в хрипящем динамике.

Девочки разом засуетились, собирая остатки еды Мамы Паркер в корзинку для пикника и выкидывая одноразовую посуду и все прочее в мусорный бак. Морриган подхватила корзинку и заторопилась к своей машине, старому и побитому «форду-универсалу» красного цвета. На автопилоте она выхватила из машины дедушкин складной фонарик и проверила, лежат ли в багажнике сигнальные ракеты, аптечка и одеяло. Сунув фонарик в сумочку, она побежала догонять остальных туристов, которые уже обошли магазинчик сувениров и стоянку для пикника и направлялись к старой каменной лестнице, что вела к входу в пещеры.

Морриган задрожала от предвкушения. Это тебе не примитивный лесной поход или пешая прогулка по холмам. На этот раз она войдет внутрь земли. Чувство, что земля ее притягивает, было таким же ясным, как в те моменты, когда ей становилось холодно или жарко.

Иди... – отдалось у нее в ушах.

– Морги! Иди сюда.

Морриган осознала, что в одиночестве стоит у лестницы и смотрит в совершенно обыденную дыру в земле, которая и являлась входом в пещеру. Она моргнула и увидела, что из темноты пещеры ей машет Джина. А рядом с ней стоят Лори, Джеми и остальные экскурсанты. Морриган встряхнулась и поспешила к своим подругам.

Иди...

А когда она вошла в пещеру, это слово, казалось, обняло ее со всех сторон. Равно как и прохладный каменный полумрак. Оклахомский август всегда был ужасно жарким и душным, поэтому Морриган сразу стало легче дышать. Она быстро приспособилась к больше чем тридцатиградусной разнице температур¹⁹. Она сделала глубокий вдох и подошла к подругам, одним ухом слушая, как гид рассказывает историю этих пещер.

Здесь был совершенно невероятный воздух! Он пах землей... пряно, душисто, сильно. Аромат земли заполнил все ее ощущения, она почувствовала себя восхитительно-радостной и расслабленной одновременно.

Твое место здесь.

Эти слова прозвучали у нее в сознании, и на этот раз Морриган не стала просеивать их через сито «хорошее-плохое», в котором она обычно все анализировала и старалась понять, прислушаться к словам или их игнорировать. На этот раз истина оказалась слишком всепоглощающей для подобных терзаний.

Твое место здесь.

Не удержавшись, Морриган стала пробираться сквозь толпу туристов, чтобы вслед за гидом первой войти в пещерные тоннели. Стать первой, кто коснется и ощутит запах того, что окажется внутри. Она вся дрожала от волнительного предвкушения, и на догоняющих ее подруг она не обращала внимания.

– Хорошо, если вы готовы, давайте все вместе двигаться вперед, – сказал гид. – Пожалуйста, помните, что освещение выключается автоматически, поэтому вам лучше держаться меня и далеко друг от друга не отходить.

Как же это бесит! Да зачем ей ходить за этим занудой? Морриган умирала от желания самостоятельно обследовать это удивительное место. Она раздраженно отвела взгляд от пещерных расселин и с неприязнью посмотрела на эту занозу-в-заднице, их гида. И у нее замерло сердце.

Парень был невероятно, просто чертовски великолепным. И смотрел на нее так, словно читал в ее душе.

¹⁹ По Фаренгейту.

Глава 3

– Вы готовы? – повторил гид, глядя прямо на Морриган. Ее яркие синие глаза встретились с ее взглядом.

Морриган кивнула.

– Отлично, – сказал он. – О, я забыл представиться. Меня зовут Кайл, и сегодня я буду вашим гидом.

Несмотря на то что разговаривал он исключительно с Морриган, несколько экскурсантов засмеялись и выкрикнули: «Рады познакомиться!» А Кайл отпер ключом маленькую металлическую коробку и защелкал выключателями. Пещеру мгновенно залило ярким светом.

Нахлынувшее волной неудовольствие заставило Морриган забыть об их сексуальном гиде. Освещение было сделано по-дурацки. Слишком яркое, слишком резкое, слишком обезличенное. Внутренность земли надо освещать мягким, рассеянным светом. Светящимися минералами или красивыми языками пламени...

– Господи, Морги, перестань таращиться и пошли! – Лори схватила ее за руку и потянула за собой, проталкиваясь через толпу.

Морриган скинула с себя руку Лори и протискивалась вперед, пока снова не оказалась в первых рядах экскурсантов. Гид прошел немного вглубь пещеры и остановился. Они оказались в огромном помещении с каменной дорожкой, обрамленной железными перилами. По обеим сторонам от нее валялись большие каменные глыбы с плоской поверхностью. И еще до того, как гид заговорил, Морриган кое-что поняла.

– Это самая глубокая часть пещеры.

– Совершенно верно! – Кайл улыбнулся ей. Застигнутая врасплох, Морриган несколько нервно улыбнулась ему в ответ. Она и понятия не имела, что высказала вслух мысль, которую только что услышала в своем мозгу. И еще сильнее удивилась, когда мистер Потрясающий Гид вспыхнул, словно ответная улыбка его разоружила, и торопливо повернулся к остальной группе. – Как сказала эта юная леди, мы находимся в самой глубокой части пещеры. От пола до потолка здесь около пятидесяти футов, что означает примерно восемьдесят футов ниже уровня земной поверхности.

«Юная леди? – повторила про себя Морриган. – А сам-то немногим старше меня».

Стоящая рядом Лори обняла себя за плечи и прошептала:

– Просто жутко подумать, что мы на глубине восьмидесяти футов. Господи, как в могиле.

– И совсем не как в могиле, – автоматически откликнулась Морриган, осматривая это волшебное место. – Оно не жуткое. Оно красивое и абсолютно безопасное.

Безопасное? С какой стати она это сказала?

Лори переключилась на их гида – Кайла Сексуального.

– Эй, Кайл. Моя подруга говорит, что эта пещера абсолютно безопасна. А что вы скажете?

– Ну, не на сто процентов, конечно. – Все экскурсанты, за исключением Морриган, беспокойно задвигались, поэтому он торопливо добавил: – О, конечно, сейчас вы в безопасности. Но, в общем-то, те большие пласты гипса, которыми усеян пол у входа, и эти тоже, – показал он на огромные глыбы рядом с дорожкой, – они все попадали с потолка. Последний обвал произошел здесь прошлой зимой, в декабре. К счастью, тогда пещера была закрыта на рождественские праздники.

– А откуда вы знаете, что на нас сегодня ничего не посыплется? – поинтересовалась Лори.

– Здесь, на потолке, есть специальные датчики, мы ежедневно считываем с них информацию. И если что-то с потолка падает, эту часть пещеры мы закрываем для экскурсий. С декабря больше ничего не осыпалось.

Мужчина в годах и с большим животом фыркнул:

– Да тебе восемнадцать-то есть? Может, нам стоит взять кого-нибудь из взрослых – например, твоего босса, – прежде чем двигаться дальше?

Морриган думала, что Кайл покраснеет и занервничает, но на нее произвело впечатление, как спокойно и твердо он посмотрел на этого старикашку.

– Сэр, сейчас здесь босс – я, хотя скорее не босс, а просто старший по должности. Я работаю в этом парке уже шесть лет и сейчас как раз заканчиваю полевые работы по геологии в магистратуре. Не волнуйтесь, вы здесь в максимально возможной безопасности.

– О, что ж, тогда... – Толстяк смутился, а женщины-туристки так и лучились самодовольством, явно голосуя за мистера Великолепного Геолога, а не за мистера Толстяка.

Морриган хотелось добавить «Я же вам говорила», но, с другой стороны, Кайл ведь не согласился с ее ста процентами безопасности.

Для тех, кто родственно связан с землей, здесь всегда безопасно... если бы камни могли говорить, они рассказали бы тебе, когда и где упадут...

Как ни странно, но Морриган прислушивалась к голосу, который вплетался в ее мысли. Здесь, в самом сердце земли, голос казался ей материнским, безвредным и даже ласковым. И ей было здесь очень хорошо, словно она пришла домой. Может, это сама земля защищает ее от шепота темного бога. И может, хоть здесь ей не придется бояться, что она услышит кого-то, кроме своей матери.

– Здесь за углом находится место, которое мы называем Лагерь. – Люди снова задвигались, пошли вперед, а Кайл включил еще одно скопище режущих глаза ламп. – Возможно, в древние времена люди использовали эту пещеру как убежище – хотя у нас нет этому никаких доказательств – и располагались здесь лагерем. Это место находится недалеко от входа, так что найти его не составляло труда. Здесь ровный пол, и, как вы можете видеть, стенные выступы позволяют использовать их как полки. А по другую сторону пещеры течет ручей с пресной водой.

– Мрак. Разбивать здесь лагерь? Здесь же холодно. – Лори поехала. – И просто не слишком приятная стоянка превратится в совсем неприятную.

– Температура воздуха внутри пещеры составляет около шестидесяти градусов²⁰. Она может меняться, но не больше, чем на пять градусов – в разгар лета или зимы, – объяснил Кайл.

– Для меня все равно слишком холодно и жутко, – пробормотала Лори.

Последние слова Лори заставили Морриган осознать, что все присутствующие в свитерах и куртках. Даже на Кайле была куртка цвета хаки с эмблемой парка алебастровых пещер на нагрудном кармане. А она свою кофту так и не надела, держала ее в руках. Ей было совсем не холодно. С привычно неприятным ощущением, что она выделяется из толпы, Морриган торопливо накинула на плечи совершенно не нужную ей кофту.

– А вот этот камешек действительно симпатичный, – сказала Джина. – Я даже почти забыла, что тут где-то живут летучие мыши.

Морриган посмотрела, куда показывала Джина, и увидела большущий камень, на который падал розовый свет прожектора. Валун прямо-таки сверкал в лучах искусственного освещения. Морриган подумала, что ему место в «Долливуде»²¹.

– Это самый большой пещерный валун, полностью состоящий из селенита.

– Он не должен быть розовым, – услышала Морриган свои собственные слова и сжала губы. Наверняка она и так чертовски надоела этому симпатичному гиду.

Кайл удивленно, без малейших признаков раздражения, посмотрел на нее.

– Вы правы, селенит не розовый. Это просто наша специальная подсветка. Если вы подойдете ближе или посмотрите на камень сзади, то увидите, что селенит прозрачный, как стекло.

²⁰ Плюс 16 градусов по Цельсию.

²¹ «Долливуд» – парк развлечений для любителей кантри-музыки. Находится в штате Теннесси.

На самом деле он такой прозрачный и легкий, что первые поселенцы использовали его вместо оконных стекол.

Не дожидаясь разрешения, Морриган сошла с дорожки и приблизилась к валуну, чтобы посмотреть на его неосвещенную сторону. Она отчетливо видела, как блестит его гладкая, словно стекло, поверхность. Она прикоснулась к ней. Камень был мягким и холодным. Морриган приложила к нему ладонь.

– Ты на самом деле красивый. И тебе совершенно не нужна эта дурацкая розовая подсветка, – прошептала она.

Поверхность валуна задрожала, как кожа животного.

Добро пожаловать, Несущая Свет...

Эти слова проговорил не ветер, и не один из знакомых ей голосов. Слова проникали сквозь ладонь и расходились по всему телу. Морриган взвизгнула и отскочила, но второпях поскользнулась на влажном полу и замахала руками, стараясь удержаться на ногах.

Чья-то сильная рука удержала ее от падения на пятую точку.

– Осторожнее, здесь скользко. Особенно если идти не по дорожке.

Еще не оправившаяся от потрясения, Морриган слабо кивнула и запоздало пробормотала слова благодарности, когда Кайл втащил ее обратно на дорожку. Гид застенчиво улыбнулся ей, а потом жестом показал экскурсантам следовать за ним дальше.

– Ой, Кайл такой симпатичный – высокий, блондин и вообще восхитительный. Отлично сработано. Ты так здорово прикинулась растерянной, что он обратил на тебя внимание, – прошептала ей Джина.

Морриган шла за подругой, но думала совсем о другом. Она просто не могла поверить. Что произошло? Не может быть, чтобы камень шевелился. А голос не мог отличаться от тех, что она слышит с детства. Или странности наконец довели ее до полного и окончательного сумасшествия? Тогда ей лучше собирать вещи не в университет, а в Лауреатскую психбольницу.

Когда Морриган наконец нагнала группу, оказалось, что Кайл остановил всех в том месте, где пещера снова расширялась. Он ждал, пока все переведут на него свои взгляды.

Купол...

Эти слова мелькнули в голове у Морриган как раз перед тем, как Кайл направил свой фонарик на потолок.

– Это первый купол в нашей пещерной системе. Обратите внимание на узоры и углубления, которые оставили на камне водовороты. Когда-то вся эта пещера была заполнена водой. И за много лет вода придала ей уникальную форму. До наших дней от бурной реки осталось только мелкое пологое озеро, которое я покажу вам позже, и маленький ручеек, который течет параллельно нашей дорожке.

Морриган подумала, что купол выглядит огромной трубочкой мороженого, врытой узким концом в селенито-алебастровый потолок. Он был очень красивым и таинственным, а еще почему-то знакомым. Как это может быть? И к тому же она откуда-то узнала о нем до того, как на него показал Кайл. Но ведь до сегодняшнего дня она никогда не бывала в пещере – не только в этой, вообще ни в какой.

Здрав голову, Морриган побрела к краю дорожки, где гладкая стена была усеяна селениновыми кристаллами. Ей хотелось провести рукой по блестящей поверхности. Она испытывала необходимость потрогать ее, но заколебалась, одновременно испытывая страх и нетерпение.

Открой правду.

Морриган испытала невыразимое облегчение, услышав этот, витающий рядом, шепот. Хотя по иронии судьбы она обрадовалась тому, что преследовало ее с самого детства. Кроме того, ей показалось, что в голосе ветра все яснее звучат материнские нотки. И к тому же она

испытала облегчение, что он шел из воздуха, а не из камня. Испытала ли? В том «другом» голосе – из селенитового камня – было что-то бесконечно притягательное.

– А сейчас моя любимая часть экскурсии. – Смех в голосе Кайла привлек ее внимание. Она повернулась и увидела, что он вместе с остальной группой стоит у металлической коробки с выключателями. – Сейчас мы окажемся в полной темноте. Она продлится всего шестьдесят секунд, но они могут показаться очень долгими. Глазу нужен свет, чтобы правильно функционировать. Если бы вы прожили в темноте шесть недель, вы бы ослепли. А теперь давайте попробуем, каково это – находиться в темноте! – И Кайл с отчетливым щелчком выключил свет.

Упавшая темнота была абсолютно непроницаема.

Послышались вскрики полупритворного ужаса. Морриган отчетливо слышала, как завопила Джина. Рядом беспокойно двигались люди, они хватались за все, что попадалось под руку. Вслепую, и оттого медленно, как по воде, Морриган подошла к стене.

Она не испытывала страха. Но в непроглядной тьме ее чувства обострились. Тело казалось жидким, и ей представилось, что стена может вобрать ее в себя и смешать с похожими на стекло кристаллами.

Морриган осознала, что эта мысль должна была бы ее напугать, но нет, она несколько этого не испугалась.

Она вытянула руку и прижала к прохладной поверхности ладонь. Она на ощупь могла сказать, где именно более гладкий селенит смешивается с более мягким алебастром, и сама очень удивилась, что, несмотря на полное отсутствие зрения, может отличить один камень от другого. Потом под пальцами она ощутила шевеление, точно такое же, как при прикосновении к кристаллическому валуну.

Несущая Свет...

Это имя всплыло из-под поверхности кристаллов, словно вибрирующий поток звука. Но на этот раз Морриган не отпрянула. Любопытство было сильнее ее. Рука Морриган почувствовала тепло, и, когда свет снова залил пещеру, она стояла, положив руку на стену и таращилась на нее.

Селенитовые кристаллы начали светиться под ее ладонью.

Морриган сунула руку в карман джинсов. Кристалл немного померцал и снова стал обычным.

– Я же говорила тебе, что это жуткое местечко. – Лори ринулась к Морриган. – Больше я сюда ни ногой. Не могу поверить, что ты не заорала от ужаса, когда он выключил свет, и вообще стоишь тут как ни в чем не бывало.

Морриган повела плечами.

– Да ну, это ерунда. Он же сказал, что темно будет всего шестьдесят секунд. – И стараясь говорить обычным тоном, она добавила: – Восковая эпиляция зоны бикини, которую я делала на прошлой неделе, была гораздо дольше и страшнее.

Лори засмеялась, и Морриган попыталась расслабиться. К ним присоединились Джина и Джеми, и все вчетвером они пошли вслед за группой.

– Клянусь, когда он выключил свет, я думала, мне на голову сядет летучая мышь, – запыхавшись, проговорила Джина.

– Я замерзла, – пожаловалась Джеми. – Интересно, долго еще?

– Вся экскурсия около четверти мили, – рассеянно отозвалась Морриган и сама удивилась, откуда ей это известно. К счастью, подруги привыкли, что она много знает о походах, и не заметили ее неизвестно откуда взявшейся осведомленности.

– Это хорошо. Значит, мы здесь не слишком задержимся, – обрадовалась Лори.

– Там летучая мышь, да? – Джина, прищурившись, посмотрела на другой купол, свисающий с потолка. – По-моему, я только что ее видела.

Морриган отключилась от их болтовни. Она старалась как можно чаще касаться рукой гладкой и влажной стены пещеры. И всякий раз, как ее кожа соприкасалась с селенитом, она ощущала толчок тепла. Она совершенно точно ощущала что-то внутри камня, и единственное определение, которое она могла этому дать – это «чувствительность». Пещера была живой, и каким-то невероятным образом узнавала ее. И назвала Несущей Свет. И всю остальную часть экскурсии Морриган чувствовала себя так, словно она перешла из Оклахомы в другой мир – и этот мир на самом деле ее дом.

Но как это может быть? Как она может в какой-то дурацкой пещере чувствовать себя словно дома? В этом не было никакого смысла, но его не было и в голосах, которые она слышала, и в огне, который она могла зажечь в своей ладони. Морриган осознала, что воздух становится теплее. Они направлялись к выходу на поверхность. Она неохотно подошла к остальным экскурсантам, стоявшим рядом с Кайлом.

– Здесь находится современный выход от пещеры. – Он показал туда, где дорожка плавно поворачивала налево. – Но он рукотворный, созданный человеком. И до того, как он был построен, выход был вон там. – Кайл посветил фонариком в небольшой ответвляющийся туннель. – Чтобы выбраться через него на поверхность, людям приходилось сгибаться в три погибели. Большую часть пути они проходили на четвереньках, а местами и вовсе ползли на животе.

– Фу, – скривилась Джина. – Это к вопросу о клаустрофобии. Чем выползать здесь, я бы предпочла развернуться и пойти назад.

Кайл хихикнул.

– К счастью, благодаря современным возможностям, вам не придется этого делать.

– А можно мне пойти через старый ход? – На этот раз Морриган вполне осознанно говорила вслух. Все, кто был в пещере, уставились на нее. На лицах ее подруг предсказуемо отражался ужас. Но это ее не беспокоило. Она, не отрываясь, смотрела в синие глаза Кайла.

– Вы не думаете, что там слишком тесно и похоже на могилу? – Он снова посветил фонариком в узкий туннель.

– Нет, – твердо сказала Морриган. – Мне кажется, что это прекрасный естественный путь, созданный самой природой, и мне хотелось бы воспользоваться им. – Она поймала мелькнувшую в голове мысль и покопалась в сумочке в поисках фонарика. – И у меня есть вот это.

Кайл улыбнулся.

– Тогда, конечно, идите. Я сам им обычно хожу, когда не веду группу. Вы небольшого роста, так что вам даже не придется ползти на животе, вполне достаточно будет встать на четвереньки. – Он глянул на остальных экскурсантов. – Кто-нибудь хочет присоединиться к мисс Любительнице Приключений?

Послышался приглушенный смех, люди мотали головой. Лори уже открыла рот, чтобы выступить против, но Морриган, не обращая на нее внимания, включила фонарик и прошла мимо подруг, которые смотрели на нее вытаращенными глазами.

– Просто идите вперед и не выключайте фонарик. Здесь недалеко. Вы встретитесь с нами примерно в двадцати пяти футах от выхода. – Он усмехнулся и приобрел вид юного и симпатичного, но в то же время очень озорного парня. – Желаю хорошо провести время.

– Спасибо. – Морриган улыбнулась ему в ответ и подумала, сколько же, интересно, ему лет. Сначала он показался ей совсем мальчишкой, но потом заявил тому пузатому типу, что заканчивает магистратуру. Значит, ему должно быть двадцать с чем-нибудь? Она надеялась, что он старше. От мальчишек только головная боль. Последнему парню, с которым она встречалась, было девятнадцать, но при этом он вел себя как подросток. Что, правда, ее не слишком удивляло. Если уж она сама чувствовала себя значительно старше, чем ее подруги-однолетки, то уж с парнями, казалось, их разделяют не годы, а целые века.

– Вы передумали? Ну хорошо, как знаете.

Морриган дернулась, осознав, что стоит у входа в туннель с фонариком в руке и мечтает о парнях. Неудивительно, что у нее уже несколько месяцев не было свиданий. Она настоящая зануда. Да еще и чересчур взрослая зануда.

– О, нет! Нет, я не передумала. Я просто ждала, когда вы разрешите мне идти вперед.

Он снова вспыхнул, и Морриган подумалось, что ему очень идет румянец.

– Вы можете идти.

– Хорошо. Ну, увидимся по другую сторону. – Морриган опустилась на четвереньки, включила фонарик и, под любопытными взглядами всей группы, поползла в туннель.

Глава 4

Туннель сразу поворачивал направо. Морриган заползла за угол, и пещера поглотила ее. Умом Морриган понимала, что от группы ее отделяют всего несколько ярдов – и если она поползет назад, то вылезет из туннеля обратно на ступенчатую дорожку с перилами и электрическим освещением. Но разум имел мало общего с тем, что она сейчас чувствовала. Туннель был маленьким, гладким и приятно прохладным. Она ползла по нему, наслаждаясь чувством защищенности, которое давало ей узкое и тесное пространство. Туннель постепенно расширялся, и, когда пространство позволило, Морриган остановилась и села на пятки. Она развела руки в стороны и уперлась в стены туннеля. Сосредоточилась и осторожно погладила каменную гладь. Да... даже не глядя на них, по одним только прикосновениям, она точно знала, где именно находятся вкрапления селенита.

Несущая Свет...

Это имя вибрацией вошло в ее тело, и Морриган ощутила, что ее захлестывает неопишемое волнение.

– Привет... – нерешительно прошептала она.

Мы слышим тебя, дочь богини.

Сердце Морриган колотилось, словно удары молота. Дочь богини? Кристаллы думают, что она – дочь божества! Но радость этой мысли быстро угасла. Что будет, когда кристаллы узнают, что ошибаются? Она не дочь богини. Она просто сирота, воспитанная в несколько странной семье. Да, конечно, как и бабушка с дедушкой, ее мать Шеннон верила, что у деревьев, камней и у всей природы в целом есть души и что боги не сидят по храмам. Но Шеннон Паркер определенно была смертной и точно не богиней. Лучше всего это доказывала Морриган ее смерть.

Прими свое наследие...

Эти слова доносились не от камней, они знакомо парили в прохладном пещерном воздухе. Морриган вздохнула и пробормотала:

– Мне трудно принять наследие, если я толком не знаю, что это значит.

Это значит, что богиня одарила тебя своим прикосновением.

Такой немедленный ответ поразил Морриган. Голос ветра никогда ей не отвечал. И она никогда не разговаривала с ним. Как правило, он казался лишь разрозненными мыслями, которые ей удавалось поймать, как случайно подслушанный разговор. Кроме того, иногда она слышала смех или плач. Но никто никогда ей не отвечал – хотя она много раз просила свою мать откликнуться. По позвоночнику у нее прокатилась ощутимая волна беспокойства. Но умиротворенность пещеры, где Морриган чувствовала себя как дома, перевешивала все волнение, которое она испытывала, будучи отрезанной от нормального мира.

– Богиня одарила меня своим прикосновением, – повторила Морриган, словно пробуя на вкус эти слова и пытаясь их осознать. – Если это правда, то кристаллы действительно меня узнали, – вслух рассудила она, и стены туннеля поглотили ее голос. Морриган растопырила прижатые к стене пальцы и сосредоточилась.

– Привет, – тихо произнесла она. – Спасибо, что узнаете меня.

Ее пальцы тут же стали нагреваться. Кристаллы под рукой задрожали, потом жар усилился, и они засветились. Возникающий от ее действий свет настолько заинтриговал Морриган, что она обо всем забыла. Это свечение несколько отличалось от пламени, исходящего из ее рук. Пламя показывалось очень ненадолго, а когда гасло, у нее перехватывало дыхание и хотелось плакать от чувства, которое ее бабушка называла «выбита из колеи».

А свечение кристаллов придавало ей сил.

Она не сомневалась, что может выключить фонарик и создать столько света, что без проблем осветит себе путь. И она могла создать не только свет, но и тепло. Если бы кто-то сейчас прикоснулся к ней, то сказал бы, что ее кожа очень теплая, почти горячая. Похоже, она нашла источник силы, которым никто, кроме нее, не мог пользоваться – он находился в кристаллах этой пещеры.

– Эй! У вас там все в порядке?

Голос Кайла заставил Морриган подпрыгнуть на месте. Она отдернула руки от стен туннеля. Кристаллы продолжали светиться. Морриган уставилась на них с благоговейным трепетом.

– Да! Извините! – крикнула она, обернувшись. – Я просто остановилась посмотреть на кристаллы.

– Ну, группа уже вышла. Мы ждем вас! – крикнул он ей в ответ.

Светящийся изнутри селенит создавал невероятно красивое зрелище. Заключенный в алебастровую стену, он освещал туннель чистым ярким свечением.

– Морриган? – Голос Кайла прозвучал значительно ближе, и это вывело Морриган из транса.

– Уже иду! – Она опустила на четвереньки и поползла вперед, сжимая в руке фонарик. Добравшись до места, где туннель круто поворачивал к выходу на поверхность, она оглянулась и посмотрела через плечо. Свечение кристаллов померкло. Мерцание угасло у нее на глазах, погружая туннель в темноту. Она быстро поползла оставшуюся часть пути.

Когда она выползла из туннеля в пещеру, Кайл поддержал ее за свободную руку и помог встать.

– Ничего себе, вы, должно быть, очень активно там ползали, о вашу руку можно обжечься. – Он свел брови и внимательно изучил ее лицо, словно искал следы приступа клаустрофобии.

Морриган ослепительно улыбнулась.

– Наверное, мне надо было чаще заниматься гимнастикой. – Она притворилась, что тяжело дышит и стирает со лба пот. – Мне жаль, что путь занял у меня столько времени. Я не хотела никого задерживать. Просто случайно осветила эти потрясающие кристаллы и залюбовалась.

Симпатичный гид явно испытал облегчение.

– Отлично понимаю, что вы имеете в виду, – сказал он, жестом показывая следовать за ним наружу.

Морриган неохотно пошла за ним, но, выйдя на улицу и ступив на твердую землю под удушающую жару Оклахомы и раскинувшееся над головой бескрайнее синее небо, она почти физически испытала чувство потери и, сама удивившись, что чуть не плачет, сильно заморгала, чтобы прогнать слезы.

– Господи боже мой! Наконец-то! – вырвалось у Джины, когда Кайл и Морриган подошли к группе, которая ждала их у похожего на троллейбус вагончика.

– Она жива и здорова, – заверил всех Кайл. И потом усмехнулся, глядя на Морриган: – Просто она прирожденный спелеолог и с трудом оторвалась от пещеры.

– Хорошо, что вы оба выбрались! Для меня там слишком темно и страшно, – сказал какой-то мужчина средних лет. Его жена так энергично закивала, что экскурсанты захихикали.

Обрадовавшись, что Кайл отвлек от нее внимание группы, Морриган благодарно улыбнулась ему и забралась в вагончик. Подруги подвинулись, давая ей место. Кайл сел в кабину, и они плавно двинулись прочь от пещеры. Морриган так хотелось крикнуть, чтобы ее отвезли обратно, что она крепко вцепилась в сиденье. Что с ней такое? Почему она так странно себя чувствует?

Прими свое наследие... – витали вокруг нее потоки горячего воздуха.

– Ну так. – Лори с многозначительной улыбкой наклонилась к Морриган. – Давай расклявайся. Ты сделала все, что можно, чтобы остаться наедине с этим горячим парнем?

– Да, – машинально ответила Морриган.

– Держу пари, он держал тебя за руку, помогая выбраться из этого жуткого туннеля, – предположила Джина.

– Да.

– Мне кажется, ты ему нравишься, – прошептала Джеми. – Он глаз с тебя не сводил. Господи, он такой сексуальный. Ты точно спятила, если не попросишь у него телефончик.

– Я не уверена, что он еще зеленый мальчишка. Ты же знаешь, что я уже имела дело с юнцами, – сказала Морриган.

Лори фыркнула:

– Это тебе уже сто лет. И молодой ты никогда не была.

Морриган встретила глазами с Лори. И внезапно возненавидела своих подруг с такой силой, что у нее перехватило дыхание. Ей было противно находиться в компании идиотов, которые живут безоблачной жизнью и не понимают, каково это, когда ты везде чувствуешь себя чужой.

– Ты права. Я всегда была древней старухой, – коротко ответила она, потом отвернулась и стала смотреть назад, в сторону пещеры, а Лори, Джина и Джеми все продолжали и продолжали обсуждать высокий рост и блондинистую сексуальность Кайла.

Морриган же необходимо было вернуться домой и поговорить с единственными людьми на земле, которые понимали ее. Может быть, они помогут ей разобраться в том, что сегодня произошло.

И расскажут о твоей матери то, что раньше тебе не говорили... – прошептал ветер.

На сей раз Морриган к нему прислушалась.

Глава 5

– Нам надо поговорить.

Бабушка с дедушкой посмотрели на нее из-под очков. Они сидели на своих обычных для вечера местах – в одинаковых креслах-реклайнерах²² – и читали, не обращая внимания на включенный телевизор. У бабушки в руках был бокал с красным вином, а дедушка пил кофе (без кофеина, разумеется). На журнальном столике между ними стояли убогие остатки того, что раньше было куском домашнего вишневого пирога. Бабушка взглянула на дверь за ее спиной.

– Дорогая, а твои подружки не хотят зайти? Я испекла вишневый пирог.

– Нет, я отослала их по домам. Мне надо с вами обоими поговорить.

Дедушка снял очки.

– Что случилось, малышка Морги?

– Сегодня, когда я была в пещере, произошло нечто странное. Просто фантастика какая-то.

Морриган не стала садиться на свое обычное место – двуспальный диван – и заходила по комнате. Ее переполняло нервное возбуждение, и она сама не понимала почему. Всю дорогу до дому она кипела. Она почти не разговаривала с подругами, и те очень скоро перестали обращать на нее внимание. Списав ее плохое настроение на ПМС²³, девчонки болтали о такой чепухе, что Морриган просто не могла дожидаться, когда же попадет домой и избавится от их общества.

– Расскажи нам, милая, – сказала бабушка.

– Хорошо. Все началось с моей странной реакции на пещеру. У меня было такое чувство, что я пришла домой. Нет-нет, даже больше. Словно я *вернулась* домой. Нет, все равно не так. – Морриган расстроено вздохнула. – Я неточно описываю. Когда я вошла в пещеру, мне показалось, что я там своя, что там мое место. Вы же знаете, как иногда я чувствую себя чужой, инородной. – Бабушка с дедом кивнули. Они действительно понимали ее – и всю жизнь помогали ей с этим справиться. – Я никогда еще не чувствовала себя так, как в той пещере.

²² Кресла-реклайнеры – «полулежачие» кресла, которые откидываются назад и позволяют положить ноги на специальную подставку, которая выдвигается одновременно с откидыванием спинки.

²³ ПМС – предменструальный синдром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.